

ПОЛТАВСКІЙ КАДЕТСКІЙ КОРПУСЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕГО СУЩЕ- СТВОВАНІЯ.

В НАСТОЯЩЕМЪ году, 6-го декабря, исполнится пятьдесятъ лѣтъ съ открытія Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса.

Это заведеніе уже имѣетъ свою исторію. Въ теченіе полувѣка, оно успѣло перейти отъ старыхъ порядковъ къ новымъ, съ тѣмъ, чтобы, спустя двадцать лѣтъ, опять стать поближе къ прежнему строю

кадетскихъ корпусовъ.

Пока, однакожь, о Полтавскомъ корпусѣ написано немного и, притомъ, почти исключительно его учителями и воспитателями ¹⁾).

Имѣя это въ виду и полагая, что для вѣрнаго и цѣльнаго представленія о внутреннемъ бытѣ каждаго, въ особенности же закрытаго, заведенія, могутъ оказаться далеко не лишними воспоминанія его прежнихъ питомцевъ, нѣсколько бывшихъ кадетъ Полтавскаго корпуса выразили намѣреніе подѣлиться съ своими однокашниками тѣмъ, что сохранилось въ ихъ памяти о заведеніи, въ стѣнахъ котораго, для многихъ изъ насъ, прошла лучшая пора юношескаго возраста.

Принадлежа къ Полтавскимъ кадетамъ первыхъ выпусковъ, я попытаюсь передать о корпусѣ, что помню за время моего въ немъ воспитанія, съ 1842 по 1847 годъ.

¹⁾ Гг. Зайцевымъ («Русская Старина» 1887 г., июнь), Павловскимъ («Русская Старина» 1886 г., т. XII) и И. Р. Тимченко-Рубаномъ («Истор. Вѣсти.» 1890 г. № 6—8).

I.

Начну съ давнишней истины, въ силу которой: чтобы оцѣнивать—нужно сравнивать, а чтобы сравнивать—необходимо имѣть подъ рукою не отдѣльно-взятые случаи, а цѣлый рядъ жизненныхъ наблюденій.

Мнѣ каждый разъ вспоминается это всеѣмъ извѣстное, но часто забываемое, правило, когда заходитъ рѣчь о старыхъ кадетскихъ корпусахъ. Объ нихъ существуетъ множество устныхъ разсказовъ и довольно обширная литература, ознакомившись съ которыми, однакожъ, нерѣдко встрѣчаешься съ совершенно противоположными взглядами на эти заведенія, даже и тогда, когда они высказываются одними и тѣми же лицами. Происходитъ это, вѣроятно, потому, что большинство этихъ мнѣній, составляясь подъ давленіемъ минуты, не могло быть достаточно откровеннымъ и на столько спокойнымъ, чтобы, не довольствуясь частностями, принимать во вниманіе общее положеніе всѣхъ условій тогдашней жизни. Даже по такимъ существеннымъ вопросамъ, какъ научное образованіе и воспитаніе старыхъ кадетъ, мнѣнія расходятся и дwoятся. Такъ, одни находятъ, что въ прежнихъ корпусахъ науки сильно хромали, а воспитаніе, будто бы, шло, какъ по маслу; другіе, напротивъ, утверждаютъ, что классная часть процвѣтала, а воспитаніе, въ особенности нравственное, оставляло желать весьма многого. Если, затѣмъ, обратиться къ прежнимъ законоположеніямъ и вникнуть въ ихъ основную мысль, то невольно приходится предположить, что тогдашнимъ корпусамъ предстояло одновременно удовлетворять двумъ требованіямъ: учить кадетъ для общегосударственныхъ цѣлей, и воспитывать—для специально-военнаго ихъ назначенія ¹⁾.

Въ моихъ воспоминаніяхъ о Полтавскомъ корпусѣ я преимущественно и коснусь этихъ двухъ задачъ. Положеній, уставовъ и инструкцій, разумѣется, я разбирать не стану. Мои намѣренія болѣе скромныя. Я ограничусь лишь простой и возможно откровенной передачею того, что помню о живыхъ людяхъ, какъ они мнѣ когда-то представлялись, и о томъ, какъ мы учились и воспитывались полвѣка тому назадъ. Вообще говоря, тогда учить было легче, нежели воспитывать; талантливые и любящіе свое дѣло преподаватели встрѣчались чаще, нежели прозорливые и терпѣливые воспитатели; классная часть съ ея требованіями поставлена была вполне опредѣленно, колебаній и частыхъ перемѣнъ въ учебныхъ

¹⁾ Задача научнаго образованія кадетъ главнымъ образомъ заключалась въ томъ, чтобы довести ихъ до твердаго убѣжденія въ пользѣ наукъ, какъ источника гражданскихъ и общественныхъ добродѣтелей (Св. Воен. пост. 1838 г., ч. I, кн. III). Воспитаніе же кадетъ должно было стремиться къ тому, чтобы сдѣлать ихъ способными къ перенесенію всѣхъ трудностей военной жизни.

планахъ и въ руководствахъ не происходило; воспитательная же часть, напротивъ, нерѣдко зависѣла отъ личныхъ взглядовъ и даже капризовъ ближайшихъ руководителей этого столь важнаго дѣла; программа воспитанія, какъ скажу ниже, была слишкомъ широка и, по своей отвлеченности, трудно выполнима, какъ для кадетъ, такъ и для ихъ наставниковъ; что, какъ извѣстно, и побудило въ шестидесятыхъ годахъ принять мѣры для улучшенія воспитательной части въ военноучебныхъ заведеніяхъ.

Перехожу къ частностямъ и начну съ классной части, стоявшей тогда во главѣ всего остального.

II.

Въ мое время классныя занятія велись въ Полтавскомъ корпусѣ съ большимъ толкомъ, настойчиво и, въ общемъ, давали вполнѣ удовлетворительные результаты. Успѣхъ кадетъ достигался и обусловливался, однакожъ, не одними только принудительными мѣрами и частыми наказаніями, какъ это обыкновенно полагаютъ. Безъ взысканій, правда, не обходились. Розги и другія, хотя и не узаконенныя, тѣлесныя расправы, составляли обыденное явленіе въ тогдашней кадетской жизни. Но считаю нужнымъ замѣтить, что къ розгамъ въ мое время уже прибѣгалось не такъ часто, какъ говорятъ о томъ преданія и легенды. Собственно за неуспѣхи въ наукахъ сѣкли однихъ и тѣхъ же лѣнтыевъ, число которыхъ было невелико. Это наказаніе, въ мнѣніи кадетъ, считалось весьма позорнымъ, и начальство старалось производить его келейно. Я, по крайней мѣрѣ, за мое время помню одинъ лишь случай наказанія розгами передъ корпусомъ¹⁾. Думаю, что я не ошибусь, если скажу, что уже въ сороковыхъ годахъ замѣчается поворотъ къ болѣе мягкимъ приемамъ обращенія не только въ кадетскихъ корпусахъ, но и въ войсковыхъ частяхъ. Причины тому общеизвѣстны; онѣ объясняются начавшимся тогда гуманнымъ направленіемъ въ русской журналистикѣ и въ нашемъ образованномъ обществѣ.

Я очень хорошо помню, какъ произведенные въ 1849 году и выпущенные заразъ въ одинъ гвардейскій полкъ семнадцать прапорщиковъ, лишь своимъ безмолвнымъ присутствіемъ на ученіяхъ, смягчали сердца и руки старыхъ ротныхъ командировъ. Помню также, какъ около того же времени и въ томъ же полку, молодымъ офицерамъ разрѣшено было не присутствовать при наказаніи передъ полкомъ сомнительно-виновнаго унтеръ-офицера²⁾.

¹⁾ Объ этомъ родѣ наказаній и о нѣсколькихъ другихъ суровыхъ мѣрахъ упоминаетъ г. Павловскій въ своемъ историческомъ очеркѣ Полтавскаго корпуса, вѣроятно, какъ о явленіяхъ исключительныхъ, а не обычныхъ.

²⁾ Этого унтеръ-офицера Макарова знали почти всѣ офицеры полка. Представительный, развитой, въ высшей степени исправный, отлично знавшій службу

Привожу эти подробности въ виду того, что у насъ вообще любятъ приписывать всецѣло одной эпохѣ то, что началось гораздо раньше, забывая при этомъ, что многія явленія, въ томъ числѣ смягченіе или огрубѣніе нравовъ, совершаются не по мановенію волшебнаго жезла, а проводятся въ жизнь разумной постепенностью. Какъ бы то ни было, но учились мы не изъ одного только страха наказанія. Къ тому были и такія побужденія, какъ самолюбіе и природныя способности тогдашней учащейся молодежи.

Откуда, спросятъ, брались эти столь цѣнные двигатели, и почему теперь нерѣдко слышатся сѣтованія на ихъ замѣтное оскудѣніе?

Чтобы отвѣтить на такой щекотливый вопросъ, припомню вкратцѣ условія, при которыхъ жили наши отцы.

Еще въ тридцатыхъ годахъ помѣщичій бытъ въ Малороссіи отличался патриархальною простотою; дворянство хотя и служило, но многіе выходили въ отставку въ молодыхъ лѣтахъ, поселялись въ деревняхъ, спѣшили жениться и своихъ сыновей преимущественно отдавали въ корпуса. Уже потому, что кромѣ военной, тогда почти не было другихъ карьеръ для дворянства, наибольшее число даровитыхъ, хотя нерѣдко и плохо подготовленныхъ, юношей попадало въ военно-учебныя заведенія.

Полтавскій корпусъ въ этомъ отношеніи, пожалуй, былъ поставленъ еще въ болѣе благопріятныя условія. Открытый для дворянства Малороссійскихъ и Новороссійскихъ губерній, онъ принималъ къ себѣ дѣтей, почти исключительно выросшихъ въ деревенскомъ привольѣ, съ крѣпкимъ здоровьемъ, унаслѣдованнымъ отъ родителей, еще сохранявшихъ въ себѣ достаточный запасъ силъ стародавнихъ богатырей благодатной Украйны. Умственному и вообще культурному утомленію пока не откуда было взяться. Учили насъ дома не Богъ вѣсть чему, а самое обученіе начиналось гораздо позднѣе, нежели теперь. Живя въ глуши своихъ помѣстій и предпочтительно занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, малороссійское дворянство, однакожъ, не чуждо было сословнаго честолюбія. Будучи, по сравненію съ великорусскимъ, новымъ и не знатымъ, оно, какъ всякая недавняя аристократія, весьма чувствительно относилось къ своему благородству и всѣми мѣрами стремилось его укрѣплять и поддерживать, если не родственными связями, то хотя бы чинами и служебнымъ положеніемъ своихъ дѣтей. «Старайтесь учиться прилежно и хорошо, чтобы служить и дослуживаться», таковъ уже былъ кличъ средняго и особенно мелкопомѣстнаго дворянства въ Малороссіи, не задолго до открытія Полтавскаго корпуса.

и мягкій въ обращеніи съ солдатами, онъ пользовался общими симпатіями. Наказать его розгами передъ полкомъ приказано было за то, что кто-то изъ солдатъ его отдѣленія на смотру, при пальбѣ залпами, выстрѣлилъ прежде команды, чего Макаровъ не замѣтилъ и не могъ назвать виновнаго.

Большинство изъ насъ, конечно, помнило этотъ, часто повторяющійся въ нашихъ семьяхъ, призывъ къ умственному труду для служебной карьеры. Корпусное же начальство, среди котораго было не мало лицъ изъ мѣстнаго дворянства, зная его стремленія и встрѣчая въ его сыновьяхъ способности къ ученью, пользовалось, для возбужденія соревнованія въ юношахъ, чаще ихъ самолюбіемъ, нежели наказаніями.

Въ педагогіи существуютъ теоретическія положенія, совѣтующія избѣгать развитія въ молодежи излишняго самолюбія, какъ вреднаго начала. Безспорно, болѣзненное самомнѣніе, какъ и болѣзненная тупость, весьма не желательны; но если ужъ выбирать изъ этихъ двухъ золъ, то скорѣе первое, и вотъ по какимъ практическимъ соображеніямъ. Отъ избытка самолюбія люди излечиваются щелчками жизненнаго опыта, отъ самоувѣренной же косности иногда и палка не поможетъ. При томъ, чрезмѣрное самолюбіе въ большинствѣ вредитъ только тѣмъ, кто его проявляетъ, и, напротивъ, въ постороннихъ и умѣлыхъ рукахъ оно весьма можетъ пригодиться въ тѣхъ рискованныхъ и отвѣтственныхъ случаяхъ, гдѣ благонадежная, но ограниченная скромность способна лишь осторожно безмолвствовать и мудро бездѣйствовать. Сколько помнится, въ Полтавскомъ корпусѣ поощреніе самолюбія въ его воспитанникахъ, не дѣлая вреда, приносило видимую пользу, въ особенности по классной части. Эта часть, какъ я уже сказалъ, была поставлена на первомъ планѣ и успѣхи въ наукахъ получали преобладающее значеніе въ оцѣнкѣ воспитанниковъ. Лучшихъ учениковъ знали всѣ, отъ директора до послѣдняго лѣнтяя въ корпусѣ. Увальнямъ по фронту, отчаяннымъ школьникамъ, даже смѣлымъ и рѣзкимъ на слово кадетамъ, многое сходило съ рукъ и прощалось, если они въ классахъ стояли высоко. Поощрялись, однако, не одни только первые ученики, записанные на красныя доски; достаточно было проявить способности по какому-либо предмету, чтобы быть увѣреннымъ во вниманіи и снисхожденіи начальства, въ случаѣ провинностей и недочетовъ по другимъ предметамъ преподаванія. Въ такихъ пріемахъ, опять-таки, современная педагогія можетъ усмотрѣть противорѣчіе ея основнымъ началамъ, и, разумѣется, будетъ права, если идеаломъ школы поставить такъ-называемаго «средняго ученика», а мѣриломъ ея успѣховъ — средній баллъ по всему классу или по всему заведенію. Но въ мое время еще не было надобности ни въ среднемъ ученикѣ, ни въ Силоамскихъ купеляхъ для исцѣленія наслѣдственнаго слабосилія. Сколько помню, вопросъ о нашихъ способностяхъ рѣшался просто. Тогда намъ старались внушить, что мы всѣ равно способны, хотя и не равно усердны. «При рожденіи каждый человекъ надѣленъ отъ Бога всѣмъ поровну», говорилось въ рѣчахъ корпуснаго священника, почтеннаго отца Сіяльскаго; наши ротные командиры допу-

скали только лѣнивыхъ и не дѣлали имъ снисхожденія по неспособности, хотя такіе, конечно, встрѣчались; наконецъ, нашъ вѣчно-суровый директоръ Струмилло не разъ повторялъ: «вы дѣти дворянъ, а не каптенармусовъ, ваше мѣсто въ гвардіи, и я добьюсь того, что изъ моего корпуса не будетъ гарнизонныхъ «воробьевъ»¹⁾».

Помнится мнѣ и такая сцена. Однажды кто-то крикнулъ подъ розгами:— «Федоръ Григорьевичъ! простите, я заниматься не способенъ».— «Прибавь ему, Огневъ²⁾», — отвѣтилъ на эту откровенность инспекторъ классовъ Ѳ. Г. Ницкевичъ. Покончивъ наказаніе, Ницкевичъ вошелъ въ нашъ классъ и сказалъ:— «такой-то заявилъ мнѣ, что ему трудно заниматься; въ вашемъ классѣ, я знаю, много сильныхъ учениковъ по всѣмъ предметамъ; помогите товарищу и докажите ему, что онъ учиться можетъ».

Нужно замѣтить, что не только въ нашемъ, но и въ каждомъ классѣ, дѣйствительно, было нѣсколько такихъ сильныхъ учениковъ и Ницкевичъ не только ихъ зналъ, но дѣлалъ все, чтобы, возбуждая ихъ любознательность, пріохотить къ занятіямъ тѣмъ или другимъ предметомъ. Для этого онъ самъ подыскивалъ и выдавалъ кадетамъ книги изъ классной библіотеки, провѣрялъ прочитанное ими и, притомъ, при весьма поощрительной обстановкѣ. Пользуясь «пустыми классами», когда не было преподавателя, Ницкевичъ, безъ всякихъ формальностей, вступалъ съ кадетами въ бесѣды о пройденномъ и прочитанномъ ими, вызывая ихъ на состязанія, откровенности и даже шутки. Помню, что уже во второмъ и въ третьемъ классѣ (по нынѣшнему IV и V общій) болѣе сильнымъ изъ насъ въ какомъ-либо предметѣ Ницкевичъ поручалъ составлять небольшія сочиненія по выбору самихъ кадетъ, или на заданную тему и по указаннымъ имъ источникамъ³⁾. Эти внѣ-классныя работы мы читали на квартирѣ Ницкевича, для чего разъ въ мѣсяцъ онъ приглашалъ къ себѣ по вечерамъ нѣсколь-

¹⁾ Въ то время офицеры линейныхъ и гарнизонныхъ баталіоновъ носили на киверахъ, вмѣсто герба трехпламенную гранату, своимъ рисункомъ напоминающую летящаго воробья. Попасть подъ крылья этой неважной птицы считалось весьма обиднымъ для кадетскаго самолюбія, тѣмъ болѣе, что тогда общество офицеровъ въ гарнизонныхъ баталіонахъ почти исключительно состояло изъ «бурбоновъ», т. е. изъ выслужившихся нижнихъ чиновъ. Корпусные служители унтеръ-офицерскаго званія, какъ, напримѣръ, каптенармусы, тоже производились въ офицеры этихъ баталіоновъ.

²⁾ Огневъ—корпусный барабанщикъ изъ кантонистовъ, съ особымъ увлеченіемъ исполнявшій въ классахъ лекторскія обязанности; въ ротахъ по этой части были свои артисты-каптенармусы.

³⁾ Очень хорошо помню, что первое мое сочиненіе было о германскомъ императорѣ Фридрихѣ Барбароссѣ, этомъ покровителѣ наукъ, въ глубокой старости принявшемъ участіе въ крестовомъ походѣ и о смерти котораго существуетъ столько поэтическихъ легендъ. Помню также, что въ этотъ вечеръ читалъ свое довольно длинное стихотвореніе Ив. Ал. Боголюбовъ, нынѣшній директоръ Оренбургскаго корпуса, а тогда кадетъ Полтавскаго корпуса.

кихъ преподавателей, которые, тутъ же, за чаемъ, и разбирали наши сочиненія. И до сихъ поръ я съ удовольствіемъ и благодарностью вспоминаю объ этихъ симпатичныхъ вечерахъ и весьма для насъ полезныхъ занятіяхъ,—полезныхъ въ особенности потому, что сильные ученики не стояли особнякомъ и, не кичась своими познаніями, охотно дѣлились ими съ болѣе слабыми товарищами. Въ то время на обязанностяхъ ротныхъ офицеровъ не лежали занятія съ малоуспѣшными по классамъ кадетами. Въ этомъ дѣлѣ мы сами должны были помогать другъ другу. Не знаю, какъ было послѣ, но при мнѣ это добровольное и, конечно, совершенно даровое tutorство составляло обычное явленіе въ корпусѣ. По вечерамъ, во время приготовленія уроковъ, въ «пустыхъ классахъ» и, въ особенности, передъ экзаменами, эти неофіціальныя tutorы, не жалѣя горла, а иногда и затрещинъ, усердно передавали своимъ товарищамъ премудрость «Пифагоровыхъ штановъ», тонкости Ньютонова бинома, хитрости квадратныхъ корней, сообщая долги хронологію и прочее.

Не такъ давно, я случайно попалъ въ одно закрытое заведеніе. Въ классахъ шли вечернія занятія по подготовкѣ уроковъ. Я зашелъ въ младшій классъ, гдѣ сидѣло около 15-ти исключительно слабыхъ и малоуспѣшныхъ учениковъ. Порядокъ былъ образцовый. Полусонные ученики, уткнувшись въ тетради и книги, соблюдали тишину и безмолвіе; офіціальныя tutorъ-воспитатель, застегнутый на всѣ крючки, чинно расхаживалъ между столами, по временамъ заглядывая въ ученическія тетради. Онъ никого не спрашивалъ, и его никто не беспокоилъ. При моемъ входѣ въ классъ, воспитатель оживился и, обращаясь къ ученикамъ, спросилъ: «кто чего не понялъ?» Молчаніе.—«Такой-то, вы все поняли?»—Нѣтъ, отвѣтилъ тотъ нерѣшительно.—«Чего же вы, собственно, не поняли?»—Я ничего не понялъ.—«Какъ же вы сидѣли цѣлый часъ и меня не спросили?»—Я боялся васъ беспокоить.—Воспитатель приступилъ къ разъясненіямъ во всеуслышаніе, съ безпрестаннымъ обращеніемъ ко всѣмъ остальнымъ ученикамъ. Словомъ, это былъ, по всѣмъ правиламъ и приемамъ, урокъ для всего класса по данному предмету, но не tutorское приготовленіе—по одиночкѣ и по группамъ. Едва воспитатель успѣлъ войти въ свою роль, какъ раздался призывъ къ ужину. Занятія кончились, и какъ знать, многимъ ли они принесли пользу, многіе ли приготовили свои уроки? Признаюсь откровенно, при этихъ невольнo возникшихъ вопросахъ, я вспомнилъ и пожалѣлъ о tutorахъ изъ кадетъ. Конечно, они были самоучки-добровольцы, но ихъ можно было безъ церемоніи, въ урочное и не урочное время, просить, хотя десять разъ, повторять непонятое. Tutorу-кадету это было чрезвычайно полезно; онъ училъ и учился самъ, нерѣдко, правда, въ перемежку съ рекреациями и съ шалостями. Но, вѣдь ученіе, какъ растеніе, любить не только

свѣтъ, но и извѣстный просторъ; оно же, какъ все живое, требуетъ умѣлаго и отвѣчающаго его свойствамъ обращенія.

Полагаю, что мною достаточно сказано, для выясненія того: какъ понимались наши способности и какъ относилось къ нимъ начальство корпуса. Не берусь судить, правильна ли была принятая въ немъ классная система, но могу утверждать, что, при ея выполнении, въ учащемся преимущественно поощрялись занятія тѣмъ предметомъ, къ которому онъ выказывалъ природную склонность. «Пусть занимается чѣмъ-либо, лишь бы занимался съ любовью, а разъ явится охота къ одному предмету—явится и къ другимъ», такъ думали лучшіе тогдашніе преподаватели, а такихъ было не мало въ нашемъ корпусѣ, благодаря тщательному ихъ подбору почтеннымъ Ницкевичемъ. Не знаю, былъ ли онъ ученымъ инспекторомъ, но, несомнѣнно, обладалъ административнымъ тактомъ, педагогическимъ чутьемъ и вѣрнымъ пониманіемъ порученнаго ему нелегкаго дѣла.

Въ первые же годы открытія корпуса, Ницкевичъ съѣздили въ Кіевъ и въ Харьковъ, и тамъ подыскалъ для старшихъ классовъ преподавателей, окончившихъ университеты этихъ городовъ¹⁾.

О нѣкоторыхъ изъ нихъ я скажу въ своемъ мѣстѣ; тутъ же замѣчу вообще, что всѣ они вели свое дѣло съ величайшею добросовѣстностью; отдавали все свое время корпусу и горячо относились къ умственному развитію и успѣхамъ кадетъ. Въ большинствѣ это были молодые люди, полные энтузіазма, частью увлекающіеся, но искренно желающіе намъ добра. Мягкіе и благовопитанные, они и на насъ въ этомъ отношеніи имѣли замѣтное воспитательное вліяніе, чего нельзя сказать о нѣкоторыхъ изъ нашихъ воспитателяхъ и учителяхъ, дозволявшихъ себѣ, какъ увидимъ далѣе, ручную расправу и оскорбительную для самолюбія фамиллярность. Не стану утверждать, что наши познанія въ наукахъ были тверже и основательнѣе нынѣ усвоиваемыхъ въ корпусахъ; весьма вѣроятно, что средній уровень успѣховъ, къ которому теперь стремятся, выше и солиднѣе нашего, но, едва ли я преувеличу, сказавъ, что начитанности и общаго развитія у насъ замѣчалось, какъ будто бы, больше. Читаютъ, конечно, и теперь, но это чтеніе скорѣе подневольное, нежели добровольное. Зададутъ образцы—ихъ и прочтутъ; мало того, эти же образцы, для поученія цѣлаго класса, до того усердно разжевываются преподавателемъ, что въ нихъ остается очень ужъ мало матеріала для самостоятельнаго мышленія и художественнаго наслажденія учениковъ. При насъ это дѣлалось иначе; мы сами читали, что намъ нравилось, и сами, какъ умѣли, оцѣнивали беллетристическія и даже научныя сочиненія.

¹⁾ Кромѣ Пильчикова, Бѣлозерскаго, Воржанскаго, Котельникова, къ намъ оттуда же пріѣхали еще Дейкъ (кенигсбергскій студентъ) и Таксисъ, для занятій нѣмецкимъ и французскимъ языками.

Чтобы не быть голословнымъ, назову нѣсколькихъ изъ моихъ товарищей, которые считались между нами наиболѣе начитанными по разнымъ предметамъ. Въ этомъ отношеніи Ош—цовъ особенно выдавался и увлекался до того, что не только прочелъ, но и составилъ коментаріи на Библію и Коранъ. Другой его товарищъ по классу, Р—вскій постоянно возился съ сочиненіями по естествознанію и по книгамъ открылъ, что улитки весьма питательны, и потому сталъ ими завтракать—«ради науки», не смотря на протестъ товарищей и запрещеніе начальства. Читающихъ сочиненія по математикѣ и физикѣ было нѣсколько; по географіи и исторіи еще больше. Помню, какъ Малиновскій, не особенно преуспѣвавшій по другимъ предметамъ, выписалъ на свой счетъ изъ Петербурга тогда весьма недешевыхъ Беккера и Лоренца, зачитывался ими и даже въ дракахъ ссылался на примѣры героевъ древней Греціи и Рима. Я уже не говорю о томъ, что многіе изъ насъ, хотя это и не входило въ программу преподаванія, еще въ корпусѣ прочли исторію Малороссіи Конисскаго, Маркевича, Бантышъ-Каменскаго, «Запорожскую старину» Срезневскаго и Скальковскаго, народныхъ пѣсни Метлинскаго, сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго, Дениса Давыдова и прочихъ. По беллетристикѣ читали много; Гоголя, Пушкина и Лермонтова заучивали наизусть и имъ подражали, кто прозою, кто стихами. Очень хорошо помню длинную и растрепанную фигуру «озлобленнаго поэта» Б—скаго 2-го, съ Шиллеромъ или Гете подъ мышкою, вѣчно декламировавшаго свои переводы на русскій языкъ этихъ и другихъ нѣмецкихъ лириковъ. Повторяю, никто насъ усиленно не наталкивалъ на всѣ эти чтенія, и если существовалъ въ этомъ отношеніи надзоръ, то мы его не замѣчали. Хорошо ли это или дурно, не мое дѣло; я передаю только факты, бывшіе, вѣроятно, и въ другихъ тогдашнихъ корпусахъ, о которыхъ, однакожъ, внѣ ихъ стѣнъ, существовало мнѣніе, будто бы, въ этихъ заведеніяхъ царилъ мракъ невѣжества.

Спросятъ, что же, однако, выходило изъ этой страсти къ чтенію? Выходило, отвѣчу я, большею частью полезное, весьма рѣдко нежелательное, иногда забавное. Для иллюстраціи, припомню и расскажу нѣсколько случаевъ. Польза отъ нашего чтенія была общая и частная, отдаленная и ближайшая. Развивая въ насъ художественное чутье, пытливость ума и, вообще, расширяя кругозоръ, чтеніе давало намъ и въ частности такія свѣдѣнія, съ которыми мы встрѣчались въ курсахъ специальныхъ классовъ.

По совершенно справедливому отзыву И. Р. Тимченко-Рубана ¹⁾, полтавскіе кадеты первыхъ выпусковъ, пріѣзжая въ Дворянскій полкъ, обращали на себя вниманіе общей развитостію и знаком-

¹⁾ См. «Истор. Вѣстн.» 1890 г., № 7. И. Р. Тимченко-Рубанъ отвозилъ изъ Полтавы въ Петербургъ первые четыре выпуска.

ствомъ съ иностранными языками. Я очень хорошо помню, какъ почтенный преподаватель тактики въ Дворянскомъ полку, полковникъ И. Я. Клугенъ, слушая наши отвѣты изъ военной исторіи, сперва сердился, а потомъ перемѣнялъ гнѣвъ на милость, когда мы пускались въ подробности, давно намъ извѣстныя изъ Данилевскаго, Бутурлина и другихъ.

— И откуда ты, камчадалъ, взялъ это?—спросилъ меня разъ Иванъ Яковлевичъ, когда я ему отвѣтилъ о партизанскихъ дѣйствіяхъ Фигнера.

— Изъ «Журнала военно-учебныхъ заведеній» ¹⁾, прочитаннаго мною еще въ Полтавѣ,—доложилъ я полковнику Клугену.

Выходили и болѣе серьезныя недоразумѣнія. Полтавецъ перваго выпуска Ош—цевъ, какъ я уже сказалъ, начитавшись Корана, завелъ рѣчь о религіозныхъ догматахъ съ законоучителемъ Дворянскаго полка, извѣстнымъ и просвѣщеннѣйшимъ отцомъ Іоанномъ Рождественскимъ. Ош—цевъ не пострадалъ, но тогда же наряжено было секретное дознаніе о преподаваніи Закона Божьяго въ Полтавскомъ корпусѣ.

Комичнѣе кончилась начитанность моего товарища по классу, Воротынцева ²⁾. Чудакъ по натурѣ и простоватый по привычкамъ, Воротынцевъ болѣе всего симпатизировалъ Суворову и никогда не разставался съ его жизнеописаніемъ, составленнымъ пресловутымъ Фуксомъ. Когда намъ предстояло ѣхать въ кибиткахъ и на долгихъ изъ Полтавы въ Дворянскій полкъ, Воротынцевъ, увлекаясь Суворовскими форсированными маршами, задумалъ и рѣшилъ совершить это путешествіе пѣшкомъ и со всѣми походными лишеніями. До Москвы все шло благополучно; Воротынцевъ рѣдко присѣдалъ въ кибитку, спалъ не въ ней, а рядомъ, на соломѣ, вставалъ раньше всѣхъ и проч. Подъ Москвою, однакожъ, Воротынцеву не повезло. Запутавшись въ массѣ подходившихъ къ заставѣ обозовъ, онъ потерялъ насъ изъ виду и, какъ безпаспортный, попалъ въ московскую полицію.

Но, скажутъ, все это ребяческія увлеченія и безсистемная затрата времени, въ ущербъ правильнаго и уравнительнаго прохожденія школьнаго курса наукъ. Совершенно вѣрно уже потому, что мы, во-первыхъ, тогда дѣйствительно были ребятами и, во-вторыхъ, потому, что тогдашніе педагоги смотрѣли проще на дѣло и, вѣроятно, полагали, что ихъ воспитательные приемы соотвѣтствуютъ данному времени. Отдавая предпочтеніе состязательной, а не урав-

¹⁾ Сколько помню въ этомъ журналѣ было не мало статей, охотно читаемыхъ кадетами. Потомъ этотъ журналъ, какъ и многое у насъ, замеръ и уступилъ мѣсто «Педагогическому Сборнику», издаваемому, съ 1864 года, уже не для воспитанниковъ, а для наставниковъ военн. учеб. заведеній.

²⁾ Вышелъ въ саперы, служилъ на Кавказѣ, гдѣ, до своей кончины, командовалъ пѣхотнымъ полкомъ.

нительной системѣ, поощряя индивидуальныя наклонности и не стѣсняя нашей пытливости, они по своему опыту знали, что товарищескій примѣръ дѣйствуетъ заразительно и выравниваетъ слабыхъ по сильнымъ; что общеобразовательная школа, какъ бы она превосходно организована ни была, даетъ только начало, а не всѣ знанія, наконецъ, что лишь любознательность, зародившаяся въ школѣ, можетъ послужить вѣрнѣйшимъ залогомъ дальнѣйшаго научнаго самоусовершенствованія. Если затѣмъ припомнить, что прежніе корпуса, болѣе нежели нынѣшніе, должны были заботиться о подготовленіи своихъ воспитанниковъ на разнообразныя поприща, на которыхъ нѣкоторымъ изъ нихъ и приходилось дѣйствовать въ предшествовавшее и, особенно, въ минувшее царствованіе, то, быть можетъ, не очень ужъ ошибалось тогдашнее корпусное начальство въ своемъ стремленіи придать научной подготовкѣ кадетъ общеобразовательное значеніе, что, какъ было уже сказано, не противорѣчило тогдашнимъ видамъ и цѣлямъ правительства.

III.

Перехожу къ воспитанію въ Полтавскомъ корпусѣ.

Если и теперь вопросъ о томъ: какъ слѣдуетъ воспитывать юношество по многимъ статьямъ стоитъ открытымъ, то полвѣка тому назадъ онъ долженъ былъ составлять, и дѣйствительно составлялъ, одну изъ труднѣйшихъ задачъ школьнаго дѣла.

Если при умственномъ образованіи врожденнымъ способностямъ юношѣ можно и должно давать извѣстную свободу, то въ области воспитанія ихъ приходится, напротивъ, сдерживать, осторожно и во время направлять, а не предоставлять собственному ходу, или постороннимъ внушеніямъ, хотя бы товарищескимъ. Словомъ, нравственныя качества, особенно въ юношескомъ возрастѣ, столь разнообразны и, подчасъ, столь трудно-уловимы, что только пристальный и искусный надзоръ можетъ во время замѣтить то, что нужно исправить и направить въ извѣстную сторону воспитуемаго, не ломая коренныхъ и сильныхъ задатковъ его характера. Обыкновенно полагаютъ, что въ кадетскихъ корпусахъ, какъ закрытыхъ заведеніяхъ, это достигается легче, при такихъ, повидимому, благоприятныхъ условіяхъ, какъ: точная опредѣленность воспитательныхъ цѣлей, однородный составъ по происхожденію и пснѣтіямъ воспитанниковъ, близость за ними надзора и строгость внутреннихъ порядковъ, выполняемыхъ съ военною точностью офицерами-воспитателями. Ближе вникнувъ въ дѣло, пожалуй, можно было бы привести нѣсколько доводовъ противъ кажущейся легкости воспитанія въ корпусахъ; но это не входитъ въ мою задачу, а потому, держась только фактовъ, я коснусь лишь вкратцѣ сперва того: въ чемъ въ наше время состояла сущность программы корпуснаго воспитанія,

а затѣмъ скажу: кѣмъ она выполнялась и съ какимъ матеріаломъ приходилось имѣть дѣло нашимъ воспитателямъ въ Полтавскомъ корпусѣ.

Тогда, какъ и теперь, устройство почти всѣхъ кадетскихъ корпусовъ въ главныхъ чертахъ было одинаково. Въ ихъ воспитательную программу входили тѣ же начала, какія и нынѣ служатъ основаніемъ для нравственнаго и физическаго развитія кадетъ. Руководствуясь указаніями выше, изъ насъ, кадетъ, прежде всего предстояло приготовить преданныхъ и усердныхъ слугъ Государю и отечеству, затѣмъ дать обществу и семьѣ религіозныхъ, убѣжденно-честныхъ и вполне русскихъ людей. Рядомъ съ нравственнымъ совершенствованіемъ, должно было идти физическое развитіе кадетъ, какъ будущихъ воиновъ и людей, не чуждыхъ извѣстнаго свѣтскаго лоска и благоприличія. Короче говоря, имѣлось въ виду внушить намъ патріотическія чувства, вѣрное пониманіе государственныхъ принциповъ страны, семейныя и общественныя добродѣтели, благородство души, чистоту нравовъ и твердость характера. Обо всемъ этомъ не разъ объявлялось намъ въ приказахъ по корпусу, а нашимъ воспитателямъ вмѣнялось въ обязанность объяснять сущность столь обширной и весьма отвлеченной для юношескихъ понятій — этики. Сознаюсь откровенно, я, при всемъ желаніи, весьма затрудняюсь припомнить и передать: какъ все это нами усваивалось, понималось и запоминалось. Думаю, однакожъ, что не столько приказы и словесныя внушенія, которые, замѣчу кстати, плохо у насъ запоминаются, сколько рѣзкіе случаи изъ обыденной жизни, надолго оставляя впечатлѣніе, вліяли на складъ нашихъ нравственныхъ понятій и руководили затѣмъ нашими поступками въ дальнѣйшей жизни. Въ этомъ отношеніи примѣръ нашихъ воспитателей, конечно, имѣлъ преобладающее значеніе. Слѣдя за ними съ дѣтскимъ любопытствомъ, а иногда и злорадствомъ, мы, разумѣется, должны были многое отъ нихъ заимствовать, частью подражать, а частью и воздерживаться отъ подражаній.

Какъ я уже сказалъ, обыкновенно полагаютъ, что составъ корпусныхъ воспитателей отличается однородностью и сплоченностью. Можетъ, теоретически это и такъ, только съ кадетской точки зрѣнія каждый изъ нихъ представляетъ свои особенности, рѣдко ускользающія отъ тонкой и чуткой дѣтской наблюдательности. Не знаю, какъ теперь, но въ мое время сильныя и слабыя стороны каждаго воспитателя мы подмѣчали очень скоро и опѣвывали ихъ, быть можетъ, не безъ шаржа, но въ большинствѣ довольно вѣрно. Воспроизвести съ фотографическою точностью образы и рѣчи тѣхъ, кто, около пятидесяти лѣтъ назадъ, такъ часто служилъ причиною нашей веселости и огорченій, конечно, невозможно; однакожъ, представленія о нѣкоторыхъ лицахъ и по сейчасъ настолько

живо сохранились въ моей памяти, что я попытаюсь сдѣлать имъ краткую характеристику.

Первымъ директоромъ корпуса былъ назначенъ В. Ф. Святловскій, передъ тѣмъ занимавшій должность баталіоннаго командира въ Московскомъ корпусѣ¹⁾. Маленькій, худенькій, нервный и болѣзненно-заботливый, Святловскій настолько былъ опытенъ, что сразу понялъ дѣло и сумѣлъ его поставить, какъ слѣдуетъ. Сколько помню, Святловскій очень часто посѣщалъ классы, но не вмѣшивался въ эту часть, а предоставлялъ вести ее почти самостоятельно инспектору классовъ, Ницкевичу, голосъ и мнѣнія котораго цѣнилъ и въ вопросахъ воспитанія. Святловскій лично слѣдилъ только за занятіями кадетъ по иностраннымъ языкамъ; чтобы побудить и заохотить ихъ къ этому, онъ, почти ежедневно являлся къ обѣду и ужину кадетъ, съ которыми и заговаривалъ на ломаномъ французскомъ языкѣ съ польскимъ акцентомъ. По его же настоянію, мы должны были въ извѣстные часы объясняться между собою тоже по-французски. Это обыкновенно происходило въ вечернюю рекреацію. Велись занятія такъ. За полчаса передъ ужиномъ, въ роты приходили учителя французскаго языка Соссе и Таксисъ, а мы всѣ, разбившись на нѣсколько кучекъ, становились около своихъ репетиторовъ-товарищей, болѣе сильныхъ во французскомъ языкѣ, и должны были отвѣчать на предлагаемые ими вопросы. Соссе и Таксисъ обходили эти кружки, вступали съ кадетами въ разговоры и на слѣдующій день задавали нѣсколько новыхъ фразъ, которыя тутъ же и писались на доскѣ мѣломъ. Въ этотъ-то обязательно-назначенный получасъ никто не имѣлъ права говорить по русски, подъ страхомъ получить марку и остаться безъ послѣдняго блюда за ужиномъ. Вначалѣ, когда въ корпусѣ были только младшіе классы, а въ ротахъ не было полного комплекта, для занятія языками находилось и время, и возможность услѣдить за ними. Но уже на третьемъ году существованія корпуса не было ни марокъ, ни французскихъ фразъ въ ротахъ, хотя въ классахъ преподаватели иностранныхъ языковъ строго требовали отъ насъ знанія уроковъ, правильнаго произношенія и очень ужъ много грамматики, которую, по правдѣ говоря, мы знали весьма плохо.

Гг. Павловскій и Рубанъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, высоко ставятъ Святловскаго, какъ воспитателя. Судить объ этомъ не берусь; знаю только, что тѣхъ назидательныхъ и поучительныхъ приказовъ, которыми онъ, будто бы, дѣйствовалъ на кадетъ, я рѣшительно не помню, хотя до сихъ поръ сохраняю въ памяти уже

¹⁾ Воспитаніе получилъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ офицеромъ въ пѣшую артилерію. Затѣмъ поеступилъ дежурнымъ офицеромъ во 2-й же кадетскій корпусъ, гдѣ одно время завѣдывалъ классною частью («Рус. Архивъ» 1878 г. и «Рус. Старина» 1886 г.).

послѣ Святловскаго прочитанный намъ передъ корпусомъ, приказъ о разжалованіи въ рядовые генерала Тришатнаго, за злоупотребленія во внутренней стражѣ, которою онъ командовалъ. Признаюсь, я и до сихъ поръ хорошенъко не понимаю: для чего нужно было знать дѣтямъ-кадетамъ объ этихъ злоупотребленіяхъ, какъ не понимаю и того: для какой цѣли читали намъ по утрамъ артикулы Петра Великаго ¹⁾. Плохо понимая духъ того времени и своеобразный языкъ этого уголовного кодекса, мы съ недоумѣніемъ слушали о всѣхъ этихъ «нещадныхъ» колесованіяхъ, четвертованіяхъ, шпиц-рутированіяхъ, аркебузированіяхъ и т. п. Вскорѣ, однакожъ, чтеніе артикула было отмѣнено, къ немалому нашему удовольствію.

Чтобы закончить о Святловскомъ, добавлю, что онъ, на сколько могъ, заботился о доброй репутаціи корпуса, для чего старался ладить съ полтавскими властями и поддерживалъ связи съ обществомъ. Нашу церковь, годичные акты, домашніе спектакли ²⁾ посѣщали многіе, равно и кадетъ приглашали въ семейные дома, на вечера, балы и проч.

Совсѣмъ къ другому типу принадлежалъ Струммило, назначенный послѣ смерти Святловскаго директоромъ нашего корпуса.

Грозный и грубый, онъ напоминалъ суроваго строевика Аракчеевскихъ временъ и менѣе всего походилъ на педагога, хотя предъ тѣмъ и служилъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ ³⁾. Струммило рѣдко заходилъ въ классы, хотя по своему и интересовался нашими успѣхами въ наукахъ. Хозяйство корпуса держалъ въ большомъ порядкѣ, требовалъ чистоты и тщательной пригонки одежды кадетъ, обращалъ вниманіе на выправку ихъ и, являясь передъ фронтомъ, чувствовалъ себя гораздо больше на мѣстѣ, нежели въ гостиныхъ и въ обществѣ, съ которымъ на столько разошелся, что долженъ былъ оставить корпусъ, послѣ своей безтактной выходки въ дворянскомъ собраніи ⁴⁾. Тимченко-Рубанъ

¹⁾ Артикулъ воинскій 1716 года; часть воинскаго устава Петра I-го, заключающая въ себѣ законы о воинскихъ преступленіяхъ и наказаніяхъ. Въ 1839 году, съ изданіемъ новаго военнаго уголовного устава при св. военныхъ постановленій, артикулъ былъ отмѣненъ, но намъ продолжали его читать до 1843 года.

²⁾ При Святловскомъ въ домашнихъ спектакляхъ для кадетъ принимали участіе исключительно корпусные офицеры и ихъ семейства. Впослѣдствіи же играли только кадеты, преимущественно въ малороссійскихъ пьесахъ Котляревскаго и Гр. Основьяненко, что, замѣчу, не дѣлало изъ насъ ни сепаратистовъ, ни ярыхъ украинофиловъ, а лишь заохачивало къ чтенію и наблюдательности.

³⁾ Струммило воспитывался во второмъ кадетскомъ корпусѣ, былъ дежурнымъ офицеромъ въ Дворянскомъ полку и баталіоннымъ командиромъ въ Аракчеевскомъ Новгородскомъ корпусѣ, откуда и былъ назначенъ къ намъ директоромъ.

⁴⁾ Струммило былъ католикъ. Вскорѣ послѣ приѣзда въ Полтаву онъ женился на богатой полькѣ, отецъ которой почему-то не сходилъ съ мѣстнымъ дворянствомъ. Струммило, слѣдуя примѣру своего тестя, тоже держалъ себя

въ своихъ воспоминаніяхъ говорить, что при Струммило тѣлесныя наказанія усилились, а нравственность кадетъ значительно понизилась и дошла, будто бы, до того, что появилось воровство со взломомъ и проч. Можетъ быть, это было позже, но при мнѣ такого рѣзкаго перелома: ни въ наказаніяхъ, ни въ нравственности кадетъ я не помню. Сѣкли и надѣляли кадетъ всяческими пиянками въ достаточномъ числѣ и до назначенія директоромъ Струммило. Проявлялись и до него грубости и шалости ¹⁾, но нецензурной брани между товарищами, какъ говорить о томъ г. Рубанъ, я положительно не помню; она едва ли могла и быть, хотя бы потому, что даже малороссійское простонародье къ ней тогда не прибѣгало. Относительно воровства со взломомъ я рѣшительно отказываюсь понять: что можно было ломать и воровать въ корпусѣ, когда, по тогдашнимъ правиламъ, все наши комоды и шкапчики были постоянно отперты и пусты, въ запертomъ же цейхаузѣ хранились только розги и старые сапоги. Пожива не особенно привлекательная даже для такого «негодяя», какимъ представляетъ г. Тимченко-Рубанъ кадета Гамзагурди, успѣвшаго, будто бы, образовать около себя въ корпусѣ цѣлую шайку.

Я очень хорошо помню Гамзагурди, онъ былъ у меня въ отдѣленіи, а потому и позволяю себѣ рассказать довольно поучительную исторію «Гамзагурдіевщины», память о которой, какъ мнѣ извѣстно, долго жила въ корпусныхъ преданіяхъ. Гамзагурди скорѣе былъ несчастный, нежели въ конецъ испорченный юноша и являлся не болѣе, какъ козломъ отпущенія тогдашняго педагогическаго недомыслия. Гамзагурди былъ увѣренъ и, кажется, не безъ основанія, въ своемъ черкесскомъ происхожденіи. Его наружность, сильный характеръ и отчаянная удаля, обличали въ немъ буйнаго сына тогдашняго Кавказа ²⁾. По его рассказамъ, онъ и его братъ, тоже кадетъ нашего корпуса, вывезены были изъ Аваріи и отданы

высокомѣрно и въ сторонѣ отъ общества, но, по своему положенію, долженъ былъ его посѣщать. Присутствуя на балѣ, наканунѣ новаго года, Струммило обидѣлся на одного изъ своихъ подчиненныхъ, весьма разсѣяннаго и застѣнчиваго С—на, за то, что тотъ не его перваго поздравилъ съ новымъ годомъ, и всеуслышаніе закричалъ на него: «болванъ, капитанъ, я васъ арестую!» Когда это дошло до Петербурга, Струммило тотчасъ уволили въ отставку и только впоследствии зачислили въ запасъ арміи. (Изъ официальной переписки, возникшей по этому дѣлу въ 1849 году).

¹⁾ Помню, что вначалѣ 1842 года, т. е. при Святловскомъ, въ тогдашнемъ старшемъ классѣ произошла какая-то весьма неблагоприятная исторія и что почти все его кадеты, не смотря на то, что большинство ихъ составляло нашихъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, были жестоко, хотя и по секрету отъ насъ, наказано розгами. Что это была за исторія—мы ее не узнали и много лѣтъ спустя.

²⁾ Гамзатъ-Бекъ Аварскій, въ родствѣ съ которымъ считалъ себя нашъ Гамзагурди, былъ сподвижникомъ извѣстнаго Кази-муллы, поднявшаго въ тридцатыхъ годахъ Дагестанъ и Чечню.

въ одинъ изъ баталіоновъ новгородскихъ кантонистовъ¹⁾. Впослѣдствіи, по ходатайству какого-то кавказскаго генерала, братьевъ Гамзагурди перевели въ нашъ корпусъ. Тутъ-то бѣдный юноша и начинаетъ расчитываться и за свое черкесское происхожденіе, и за свое пребываніе въ кантонистахъ. Попалъ онъ къ намъ въ корпусъ тогда, когда большинство изъ насъ уже настолько подросло, что, ставъ сознавать достоинство личности, начинало съ гадливостью относиться къ постояннымъ заушеніямъ, происходившимъ у всѣхъ на виду. Мы знали, что это недозволено и, конечно, сочувствовали каждому смѣльчаку, дававшему, въ той или другой формѣ, отпоръ нашимъ воспитателямъ, прибѣгавшимъ къ ручной расправѣ. Таково было уже общее настроеніе среди кадетъ. Тѣ же изъ нихъ, которыхъ сѣкли часто, закрутивъ и утративъ стыдъ наказанія, готовы были идти съ каждымъ протестантомъ на какую угодно затѣю, лишь бы насолить начальству и выказать ложнопонимаемое молодечество. Словомъ, въ корпусномъ муравейникѣ стало проявляться то, что нерѣдко происходитъ и въ болѣе крупныхъ массахъ; отъ долгихъ и постоянныхъ ударовъ въ одну сторону, онѣ дробятся на части, выдвигаютъ личности, группируютъ партіи и выставляютъ коноводовъ²⁾.

Корпусное начальство не только это замѣтило, но и ему было замѣчено изъ Петербурга, откуда спрашивали объясненій причинъ значительнаго увеличенія проступковъ среди кадетъ и указывали на необходимость противодѣйствія. При обсужденіи въ воспитательномъ комитетѣ этого вопроса, было постановлено показать примѣръ строгости на комъ-либо изъ воспитанниковъ. По совѣту подполковника Куна (штабъ-офицеръ корпуса) для этого избранъ былъ Гамзагурди. «Какъ кантонистъ, онъ вынесетъ какое-угодно наказаніе, какъ дикарь—его можно наказать въ примѣръ дворянскимъ дѣтямъ»,—заклучилъ свою рѣчь рѣшительный Кунъ, разумѣется, не подозрѣвая, что Гамзагурди, который объ этомъ потомъ передавалъ своимъ товарищамъ, все это слышалъ, спрятавшись въ комнатѣ, гдѣ происходило засѣданіе комитета. Эти-то и другіе рассказы Гамзагурди и частыя, нерѣдко по одному только подозрѣнію, наказанія сдѣлали изъ него въ глазахъ кадетъ героя и муче-

¹⁾ Къ намъ въ корпусъ были переведены еще нѣсколько юношей изъ этого баталіона. За недоказанностью дворянства, ихъ вскорѣ опять перевели въ кантонисты. Помню между ними Котовича. Этотъ весьма способный, тихій и красивый юноша уже черезъ мѣсяцъ сталъ общимъ любимцемъ въ корпусѣ. Переводъ его въ кантонисты вызвалъ цѣлую бурю между кадетами и начальство принуждено было отправить Котовича въ Новгородъ ночью и по секрету отъ насъ. Когда это мы узнали, то нѣсколько дней не могли придти въ себя отъ слезъ и горя. Отъ Котовича мы знали, что его ожидаетъ въ Новгородѣ.

²⁾ Коноводы были въ корпусѣ и до появленія въ немъ Гамзагурди. Я ихъ очень хорошо помню. Это были такъ называемые силачи и по здоровью, и по характеру.

ника. Повторяю, Гамзагурди не былъ нравственнымъ уродомъ. Напротивъ, это былъ мальчикъ способный, съ сердцемъ и не безъ извѣстныхъ правилъ. Восторгаясь Лермонтовымъ и Марлинскимъ, онъ не дурно писалъ стихами и прозою, крѣпко держалъ данное слово и за товарищей готовъ былъ идти въ огонь и воду. Изъ такихъ обыкновенно выходятъ тѣ, что первыми кидаются на батареи и увлекаютъ за собою другихъ. Ласкою и поощреніемъ изъ нихъ можно сдѣлать многое; но бить ихъ нужно умѣючи и съ оглядкою. Этой-то оглядки не было, и явилась въ корпусѣ сперва «Гамзагурдіевщина», а потомъ десять лѣтъ спустя цѣлый рядъ болѣе серьезныхъ беспорядковъ, равносильныхъ бунту и описанныхъ въ воспоминаніяхъ Тимченко-Рубана.

Продолжаю характеристику начальствующихъ лицъ.

Баталіоннымъ командиромъ въ корпусѣ при мнѣ былъ П. Ф. Пинкорнелли 1-й, уже человекъ пожилой, увѣшанный крестами и медалями за нѣсколько кампаній. Службу онъ началъ армейскимъ юнкеромъ, образованіе, какъ и его два родныхъ брата, тоже корпусные офицеры, имѣлъ настолько скудное, что это замѣчали даже кадеты приготовительныхъ классовъ. За то былъ подозрителенъ до болѣзненности. Г. Тимченко-Рубанъ его прямо называетъ «страшною ханжею и малограмотнымъ», хотя и не говоритъ, какое это имѣло послѣдствіе для насъ, кадетъ.

Въ громадномъ большинствѣ мы поступали въ корпусъ съ весьма смутнымъ религіознымъ образованіемъ, и, не зная самыхъ обычныхъ молитвъ, приносили съ собою скорѣе простонародное суевѣріе¹⁾, нежели понятія о вѣрѣ, въ нравственномъ значеніи этого слова. У меня и до сихъ поръ сохраняется въ памяти, какъ мой сосѣдъ въ младшемъ классѣ, Го—ій, на урокахъ нѣмецкаго языка огораждалъ себя крестами изъ воска и считалъ это вѣрнѣйшимъ средствомъ не быть спрошеннымъ. Другіе шли еще дальше, принося въ классы для той же цѣли страстныя свѣчки, ладонъ и пр. Нѣкоторые даже составляли особыя молитвы противъ всяческихъ напастей и для испрошенія разныхъ корпусныхъ благъ. Вскорѣ, однакожъ, наступилъ для многихъ изъ насъ тотъ періодъ, когда въ юношѣ начинаетъ пробуждаться, такъ сказать, поэтическая набожность, со всей ея прелестью, чистотою и таинственностью. Такое настроеніе не выноситъ посторонняго вмѣшательства, а тѣмъ болѣе начальнической регламентаціи. Но «подозрительный», какъ мы звали добраго Пинкорнелли 1-го, смотрѣлъ иначе на это весьма деликатное дѣло. Началось съ того, что ежедневныя наши

¹⁾ Суевѣріе иногда дѣйствовало панически. Такъ, въ 1843 году, кому-то изъ кадетъ показалось, что по корпусу разлѣзжаетъ Баба-Яга и начальству стоило немало усилій, чтобы разубѣдить насъ; успокоились мы только тогда, когда дознано было, что происходившій по ночамъ шумъ производила водочащалка въ подвальномъ этажѣ корпуса.

молитвы передъ дверями церкви, куда мы украдкою забѣгали по утрамъ, признаны были почему-то неудобными, и за нами стали слѣдить. Затѣмъ, очень ужъ усердно начали соблюдать всѣ праздники и водить насъ часто въ церковь, что въ особенности утомляло кадетъ по вечерамъ, когда служеніе длилось иногда часа по два и болѣе. Въ церкви же мы должны были стоять на вытяжку, за чѣмъ строго наблюдалъ Пинкорнелли и почти каждый разъ съ кого-либо взыскивалъ за отступленіе отъ этого правила. Такой формализмъ не замедлилъ дать свои плоды; изъ церкви, то и дѣло, стали выводить десятками мнимобольныхъ; послѣ церкви начинались насмѣшки, передразниванье и пр. Нашелся и такой школяръ, какъ Пол—ко, который, пробравшись въ ризницу, нарядился въ рясу. Вскорѣ его исключили изъ корпуса, а городская молва, какъ это часто бываетъ, не замедлила раздуть это происшествіе до легендарныхъ размѣровъ. Я уже упомянулъ, что въ 1845 году поручено было свыше произвести въ Полтавскомъ корпусѣ дознаніе о причинахъ проявленія среди его воспитанниковъ свободомыслія. Не знаю, что выяснило это дознаніе, отъ себя же могу добавить, что въ нѣкоторыхъ изъ насъ религиозное настроеніе стало замѣтно слабѣть именно съ того времени, какъ началась указанная мною формалистика. Вообще же, Пинкорнелли былъ слишкомъ блѣдною личностью, чтобы своимъ авторитетомъ вліять на насъ, въ ту или другую сторону, въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія.

Совершенно другимъ человѣкомъ былъ нашъ штабъ-офицеръ, подполковникъ Кунъ¹⁾.

Французъ по происхожденію, блестящій кадетъ 1-го корпуса и лично извѣстный вел. князю Михаилу Павловичу²⁾ по л.-гв. Волынскому полку, Кунъ имѣлъ всѣ данныя на не заурядную служебную карьеру. Повидимому, онъ и самъ сознавалъ свое превосходство, что и выражалось въ его отношеніяхъ къ другимъ офицерамъ корпуса и въ его неугомонной дѣятельности, проявлявшейся: то въ подтягиваніи кадетъ, то въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, то въ страстныхъ и рискованныхъ охотахъ. Тогда говорили, что Кунъ, по своему пылкому нраву, имѣлъ нѣсколько столкновеній въ полку и долженъ былъ перейти на службу въ нашъ корпусъ. Какъ бы то ни было, но Кунъ сразу занялъ въ немъ выдающееся положеніе, какъ по своему образованію, такъ и по своему

¹⁾ Передъ нимъ эту должность занималъ Ал. П. Хрущевъ, воспитанникъ 2-го корпуса, саперный офицеръ, а потомъ извѣстный Севастопольскій герой и генералъ-губернаторъ Западной Сибири. Хрущевъ отъ насъ былъ переведенъ баталіоннымъ командиромъ въ Московскій корпусъ. («Русскій Архивъ», 1878 г., стр. 405).

²⁾ Кунъ былъ отличнымъ стрѣлкомъ и смѣлымъ охотникомъ; его часто приглашали на придворныя охоты; на одной изъ нихъ онъ лишился нѣсколькихъ пальцевъ на рукѣ.

властному характеру. Свою роту, которою онъ командовалъ не долго, Кунъ держалъ въ желѣзныхъ рукахъ и былъ грозою для всѣхъ насъ въ тѣ дни, когда дежурилъ по корпусу. Всѣ хорошіе и дурные кадеты ему отлично были извѣстны во всѣхъ ротахъ, и онъ не оставлялъ въ покоѣ ни тѣхъ, ни другихъ. Первымъ онъ оказывалъ вниманіе тѣмъ, что давалъ имъ на прочтеніе французскія книги¹⁾; надъ послѣдними же онъ издѣвался съ какимъ-то злорадствомъ, нерѣдко задѣвая самыя чувствительныя стороны ихъ дѣтскаго самолюбія.

— «Нычипоръ, свинопасъ, бѣглый кантонистъ! забылъ, какъ привели тебя сюда въ рваныхъ сапогахъ и въ балахонѣ? Пошлемъ тебя въ твою Перерѣповку и будешь ты опять гусей пасти!»

Такъ обыкновенно глумился Кунъ надъ своей жертвой.

Эти-то, иногда совсѣмъ неумѣстныя, напоминанія сильно возмущали кадетъ противъ Куна и заставляли забывать его серьезное образованіе, прямоту и смѣлость, отъ которой онъ потомъ и погибъ. Когда кадеты узнали, что онъ утонулъ при поѣздкѣ въ лагерь во время весенняго половодія, то большинство, не стѣсняясь присутствіемъ офицеровъ, открыто стало выражать свою радость. Лично я былъ многимъ обязанъ Куну; онъ ко мнѣ весьма благоволилъ и ни разу не дозволилъ себѣ какой-либо оскорбительной выходки; но, помянувъ его добрымъ словомъ, справедливость обязываетъ меня сказать, что такихъ счастливецъ въ корпусѣ было не много. Вообще, при несомнѣнныхъ достоинствахъ, Куну не доставало того неуловимаго качества, которое, даже при рѣзкости и вспыльчивости воспитателя, вселяетъ къ нему, не скажу любовь, потому что этимъ словомъ часто злоупотребляютъ, но симпатіи и довѣріе дѣтей. Какъ сейчасъ увидимъ, такіе именно воспитатели встрѣчались среди младшихъ офицеровъ нашего корпуса.

Въ мое время командовали ротами: Филиппевъ, Ф. Н. Дубровинъ, Рихтеръ и В. Н. Линевицъ.

Капитанъ И. К. Филиппевъ, не смотря на русскую фамилію, былъ католикомъ и олицетвореніемъ невозмутимаго спокойствія. Сѣкъ ли онъ кадетъ²⁾ за проступки, ставилъ ли имъ нули за незнаніе ариметики, которую преподавалъ въ младшихъ классахъ, онъ также добродушно улыбался, какъ и тогда, когда по вечерамъ,

¹⁾ Преимущественно историческаго содержанія, какъ, напримѣръ, Тьера, Мишо и др. Кунъ имѣлъ уроки французскаго языка и былъ весьма строгимъ преподавателемъ.

²⁾ Въ мое время ротнымъ командирамъ предоставлено было, по своему усмотрѣнію, наказывать розгами. Чаше всего это наказаніе назначалось за неуспѣхи въ классахъ. Обыкновенно это дѣлалось такъ. Ежедневно ротный командиръ получалъ изъ классной канцеляріи подробную выписку о полученныхъ кадетами баллахъ и противъ тѣхъ, кого нужно было наказать розгами отмѣчалъ NB (надо высѣчь). Эти списки читались передъ ротою и каждый понималъ, что значить NB. Такъ дѣлалось въ той ротѣ, гдѣ я былъ.

охотно распѣвалъ съ своею ротою: «Вдоль по улицѣ широкой молодой кузнецъ идетъ»... Какъ теперь вижу его чистенькую, кругленькую, точно игрушечную фигурку, автоматически отбивающую кулачкомъ въ тактъ припѣва:

«Тукъ-тукъ, въ десять рукъ!

«Пріударимъ, братцы, вдругъ!»

Всегда ровный, справедливый и простой въ обращеніи, Филиппевъ весьма нравился кадетамъ и среди нихъ пользовался большимъ авторитетомъ.

Ф. Н. Дубровинъ былъ переведенъ къ намъ изъ 2-го кадетскаго корпуса. Пять лѣтъ къ ряду я пробылъ у него въ ротѣ. Какъ это часто случается, кого ближе знаешь — къ тому относишься благодушнѣе и невольно забываешь многое. Поэтому, о Дубровинѣ у меня вообще сохранились только хорошія воспоминанія, какъ о деликатномъ по натурѣ и безупречно-порядочномъ человѣкѣ. Не имѣя яркихъ особенностей, часто вспыльчивый и обидчивосамолюбивый, Дубровинъ заботливо относился къ кадетамъ своей роты, стоялъ за нихъ горою и зорко слѣдилъ за ихъ здоровьемъ. Съ этою цѣлью, между прочимъ, два раза въ недѣлю осматривалъ бѣлье и нѣкоторыхъ приглашалъ на секретныя бесѣды, почти всегда оканчивавшіяся розгами ¹⁾. Когда Дубровинъ дежурилъ по корпусу, то слабосильнымъ и малокровнымъ кадетамъ его роты отпускались двойныя порціи за завтракомъ и за обѣдомъ. Не рѣдко этихъ же кадетъ онъ приглашалъ къ себѣ на обѣды. Покупая на наши деньги лакомства, Дубровинъ самъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не было никакихъ сомнѣній и недоразумѣній. Въ силу той же щепетильности, Дубровинъ, состоя преподавателемъ нѣмецкаго языка въ младшемъ классѣ, никогда не выражалъ требованій, чтобы его предметомъ занимались предпочтительно, какъ это дѣлали нѣкоторые другіе преподаватели изъ нашихъ воспитателей.

Капитанъ Р—ъ и до сихъ поръ здравствующій, командовалъ 2-ю ротою. Крѣпкій и горячій нѣмецъ, онъ сильно напоминалъ гувернеровъ и надзирателей частныхъ пансіоновъ добраго стараго времени, въ которыхъ разные «пфеферы», «фернапиксы», «фухтеля» и проч., были въ большомъ ходу и усердно культивировались на благородномъ тѣлѣ русскаго юношества. Свою роту Р—ъ держалъ въ ежевыхъ рукавицахъ. Гдѣ онъ получилъ образо-

¹⁾ Не скажу, чтобы эта мѣра достигала цѣли; она не отучала, а скорѣе усиливала извѣстный дѣтскій порокъ въ тѣхъ, кто имъ страдалъ. Такихъ, впрочемъ, было весьма не много. О другомъ противуестественномъ порокѣ, встречающемся въ закрытыхъ заведеніяхъ, при мнѣ въ корпусѣ не было извѣстно кадетамъ.

Замѣчу кстати, что почти всѣ мы, полтавцы, пріѣзжали въ Дворянскій полкъ въ извѣстномъ отношеніи невинными и стыдливо-чистыми юношами, хотя многіе изъ насъ уже и достигали шестнадцатилѣтняго возраста.

ваніе не знаю, но въ мое время онъ имѣлъ въ младшихъ классахъ уроки нѣмецкаго языка.

В. Н. Линевиچъ командовалъ неранжированною ротою. По наружности, пріемамъ и понятіямъ это былъ скорѣе старый и опытный «дядька», нежели утонченный воспитатель, хотя въ этой должности онъ и состоялъ въ Московскомъ корпусѣ со дня своего производства въ офицеры артилеріи. Сильно облысѣлый и помятый жизнью, крикливый, но нерѣчистый, онъ избѣгалъ длинныхъ поученій и нерѣдко поражалъ насъ ихъ краткостью и наглядностью. Привожу одинъ изъ многихъ случаевъ, о которомъ дольше другихъ помнилось въ корпусѣ.

Кадетъ С—въ сдѣлалъ какой-то выдающійся проступокъ и всѣ со страхомъ ожидали чѣмъ-то будетъ, когда Линевиچъ явится въ роту.

— Рота, строиться! — скомандовалъ своимъ картавымъ голосомъ почтенный Василій Николаевичъ.

— С—въ, впередъ!

Блѣдный и трепещущій С—въ сталъ передъ ротою.

— Мерзавецъ! Вотъ тебѣ! (трахъ-трахъ). Ступай на мѣсто; рота расходись! — скомандовалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, уже совершенно спокойнымъ голосомъ Линевиچъ.

Преподавая ариѳметику въ младшихъ классахъ, Василій Николаевичъ тоже держался простѣйшихъ способовъ обученія, для чего приносилъ въ классы орѣхи и камешки, которые и должны были служить пособіемъ при разрѣшеніи задачъ по именованнымъ числамъ. Василій Николаевичъ, котораго я зналъ, какъ сосѣда по имѣнію, женившись въ Москвѣ чуть ли не съ самаго производства въ офицеры, имѣлъ большую семью и весьма ограниченные средства. Это, однакожъ, не мѣшало ему и его почтенной супругѣ Натальѣ Игнатьевнѣ, которая, кажется, и до сихъ поръ живетъ въ Полтавѣ, быть гостепріимными и радушными хозяевами. Каждый праздникъ у нихъ всегда бывало по нѣсколько кадетъ въ отпуску, которыхъ угощали съ истинно-московскимъ хлѣбосольствомъ. Упоминаю объ этомъ потому, что тогда отпуски были большою рѣдкостью. Только нѣсколько кадетъ имѣли знакомыхъ и родныхъ въ Полтавѣ, а объ загородныхъ отпускахъ никто не смѣлъ и подумать, какъ о величайшей роскоши, которая, по тогдашнимъ правиламъ, строго воспрещалась. Наши воспитатели, нужно отдать имъ справедливость, старались, на сколько могли, смягчать нашу монастырскую отчужденность, — брали насъ по праздникамъ въ свои семьи, а нѣкоторыхъ вывозили и въ полтавское общество. Чаше всего кадеты посѣщали домъ губернатора, добрѣйшаго Ознобишина, предводителя дворянства Капниста и проч.

Въ той ротѣ, гдѣ я былъ, за мое время перемѣнилось достаточно число офицеровъ-воспитателей. Хотя я ихъ всѣхъ очень

хорошо помню, но скажу лишь о тѣхъ, которые болѣе ярко выступали на однообразномъ фонѣ кадетской жизни.

Начну съ поручика И. Р. Тимченко-Рубана, воспоминанія котораго, какъ выше сказано, напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Замѣчу кстати, что эти воспоминанія весьма мало касаются того времени, когда я былъ въ корпусѣ.

Между тѣмъ, объ этой порѣ, какъ говоритъ г. Павловскій, меньше всего сохранилось даже официальныхъ свѣдѣній¹⁾. Объ этомъ можно только пожалѣть и вотъ по какимъ соображеніямъ.

Прослѣдивъ всѣ наши начинанія во всѣхъ сферахъ государственной и общественной дѣятельности, невольно задаешь себѣ вопросъ: почему мы, всегда такъ ревностно принимаясь за всякое новое дѣло и находя для него вполне пригодныхъ людей, вскорѣ охладѣваемъ, довольствуемся рутинною и, нерѣдко, проваливаемъ нами же созданное и поставленное на ноги дѣтище? Къ сожалѣнію, этой же участи не избѣгъ и Полтавскій корпусъ. Какія были тому причины, г. Рубанъ не даетъ объясненій; но въ его воспоминаніяхъ съ наивною правдивостью передана именно эта наша печальная особенность, и читая ихъ, не хочешь вѣрить: какъ всѣ эти когда-то полные энергіи люди, заживо вымирая, своими же ослабѣлыми руками разобрали то, надъ чѣмъ съ такою любовью и увлеченіемъ трудились въ теченіе многихъ лѣтъ. Пожелавъ, чтобы подобныя явленія не повторялись, хотя бы въ нашей школьной жизни, будемъ продолжать нашъ разговоръ о минувшемъ времени.

О Тимченко-Рубанѣ, какъ воспитателѣ и человѣкѣ, отъ себя скажу не много. Онъ былъ такимъ, какимъ является въ своихъ воспоминаніяхъ и съ сильной, и съ слабой стороны. Среди нашихъ офицеровъ, Рубанъ отличался жизненной опытностью, не знаю ужъ почему, присущую бывшимъ кадетамъ Павловскаго корпуса, въ которомъ Рубанъ получилъ воспитаніе. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, часто приходилось встрѣчать въ прежнихъ кадетахъ этого корпуса, такъ сказать, хозяйственную жилку²⁾. Бесѣды г. Рубана съ кадетами постоянно вращались въ сферѣ разныхъ практическихъ справокъ по части скромнаго хозяйства тогдашняго армейскаго офицера. Эти указанія были не лишними, если припомнить, что въ наше время кадетъ въ теченіе своего долготѣшняго пребыванія въ корпусѣ не имѣлъ права имѣть на рукахъ деньги и лично ими распоряжаться. Въ этомъ отношеніи мы выходили изъ корпуса совершенноными младенцами, что нерѣдко печально отзывалось на нашихъ финансовыхъ бюджетахъ, въ особенности, когда мы попадали въ гвардейскія и кавалерійскія части.

¹⁾ «Рус. Старина» 1886 г., т. XII.

²⁾ Въ войсковыхъ частяхъ я помню многихъ бывшихъ Павловскихъ кадетъ на должностяхъ казначеевъ, квартирмейстеровъ, хлѣбопекоевъ и проч.

Поручикъ Янковичъ, другъ Рубана и также бывшій кадетъ Павловскаго корпуса, знакомилъ насъ съ другою стороною практической жизни. Мягкій, представительной наружности, часто поощравшій полтавское общество, онъ казался намъ самымъ благовоспитаннымъ между нашими далеко не свѣтскими воспитателями, и въ этомъ отношеніи служилъ кадетамъ образцомъ. Янковичъ охотно бесѣдовалъ съ нами о разныхъ приличіяхъ свѣта, слѣдилъ за нашими уроками танцевъ и иногда самъ принималъ въ нихъ участіе.

Тимченко-Рубанъ и Янковичъ прежде служили въ артилеріи и были весьма полезными преподавателями въ корпусѣ по исторіи и геометріи.

Инымъ пошибомъ отличались В. И. Дудышкинъ, В. В. Нарѣж-ный и В. С. Клименко, также мои ротные офицеры.

Дудышкинъ, рационалистъ и математикъ по складу ума, являлся поучительнымъ примѣромъ того, чего можно было достигнуть путемъ самообразованія, даже въ то глухое время. Произведенный въ саперные офицеры и квартируя съ своимъ баталіономъ въ разныхъ захолустьяхъ, Дудышкинъ въ нѣсколько лѣтъ успѣлъ на столько пополнить скромное кадетское образованіе, что, по своимъ разностороннимъ и серьезнымъ познаніямъ, могъ потягаться съ любымъ специалистомъ. Кромѣ физики и алгебры, Дудышкинъ преподавалъ въ корпусѣ ботанику. Составленные имъ по этимъ предметамъ записки могли бы и теперь служить образцомъ въ высшей степени добросовѣстнаго и такъ сказать любовнаго отношенія учителя къ своему дѣлу¹⁾. Кстати замѣчу, что по большинству предметовъ преподаванія мы печатныхъ руководствъ не имѣли и должны были готовиться къ урокамъ по класснымъ замѣткамъ, составлявшимся за учителями. Скорѣе угрюмый и нелюдимый, нежели общительный, Дудышкинъ, однако, пользовался большимъ довѣріемъ начальства и кадетъ. Къ нему часто обращались за совѣтомъ и весьма дорожили его мнѣніемъ. Что скажетъ, бывало, Дудышкинъ, то, навѣрно, исполнялось. Помню, какъ-то разъ, кадеты не приготовились по алгебрѣ; Дудышкинъ обидѣлся и заявилъ, что прекращаетъ чтеніе и предоставляетъ намъ самимъ проходить курсъ. Не смотря на то, что это для многихъ изъ насъ было не по силамъ, никому не приходило на мысль жаловаться и ходатайствовать объ отмѣнѣ столь стѣснительнаго распоряженія. Работая вдвое, мы, при помощи тьюторовъ, о которыхъ я упоминалъ, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, одолѣли одинъ изъ трудныхъ отдѣловъ алгебры, и только тогда Дудышкинъ снова началъ

¹⁾ Эти записки Дудышкинъ имѣлъ терпѣніе переписать своимъ прекраснымъ почеркомъ и литографическими чернилами; руководство было снабжено имъ же художественно-исполненными рисунками растений и проч.

ходить на уроки. Вообще, дѣйствуя на самолюбіе, онъ возбуждалъ въ насъ любовь къ труду, правдивость, совѣстливость и проч.

Нарѣжный, не безъ основанія, заставлялъ кадетъ не только себя бояться, но и остерегаться. Угловатый и грубый, мелкій и жесткій по натурѣ, онъ радовался проступкамъ кадетъ и видимо находилъ удовольствіе въ ихъ наказаніяхъ. По этой части онъ былъ въ своемъ родѣ артистъ и расправы производилъ особымъ способомъ, извѣстнымъ у насъ подъ названіемъ «кукуньки».

— Кукунька идетъ!—кричить, бывало, Нарѣжный, хватая голову своей жертвы подъ лѣвую руку, а правою нанося ей удары. Надо было видѣть, съ какимъ сладострастіемъ клевалъ свою добычу освирипѣлый Нарѣжный, чтобы почувствовать къ нему невольное отвращеніе.

Не меньшую антипатію внушалъ къ себѣ Нарѣжный и потому еще, что у него водились такъ называемые «любимчики» изъ кадетъ. Мы ихъ подозрѣвали въ шпіонствѣ, хотя, въ сущности, доносить объ насъ было нечего. Въ то время никакихъ тайныхъ и запрещенныхъ проступковъ въ корпусѣ еще не было; мы не курили, въ карты не играли, скопомъ и заговоромъ не дѣйствовали; правда, надъ начальствомъ потѣшались, но этого настолько не скрывали, что многіе изъ воспитателей знали свои прозвища и даже иногда заставляли себя «представлять» такимъ талантливымъ по этой части школярамъ, какъ Бѣлинскій, Ломаковскій и др. Нарѣжный, конечно, не принадлежалъ къ этимъ благодушнымъ, ибо зналъ за собою то, что обнаружилось только много лѣтъ спустя послѣ его воспитательной дѣятельности. Но, *chaque vérité n'est pas bonne à dire*, а потому скажу лишь, что Нарѣжный былъ хорошимъ преподавателемъ геометріи, требуя не только знанія, но пониманія и практическаго приложенія теоремъ этой, по его выраженію, «науки порядка».

В. С. Клименко настолько памятенъ всѣмъ намъ, что вѣроятно, многіе и до сихъ поръ видятъ передъ собою его своеобразную наружность. Большеголовый, съ орлинымъ носомъ, на тонкихъ, въ обтяжку и колесомъ, ножкахъ, съ вѣчно протянутыми впередъ увѣсистыми кулаками, этотъ маленькій живчикъ, проворно бѣгая утиною развалкою, зорко слѣдилъ за нашими шалостями и внезапно казнилъ «ракалій».

— Что, ракалія, не ожидалъ! Вотъ тебѣ разъ «бычекъ», вотъ тебѣ два,—методически отсчитывалъ Клименко своими пальцами «утигами», или съ неменьшей ловкостью давалъ въ догонку «киселя», къ общей потѣхѣ всей роты.

Но всѣ эти «бычки», «подножки» и «кисели», хотя подчасъ и были чувствительны, но искупались тѣмъ благодушнымъ юморомъ, съ которымъ они раздавались всегда прямымъ и никому не дѣлавшимъ исключеній, добросердечнымъ Василиемъ Семеновичемъ.

— Я знать не хочу, кто шумѣлъ; но вы не остановили шума, значить, всѣ виноваты и всѣ должны отвѣчать! — такъ обыкновенно пояснялъ Василій Семеновичъ свои огульные взысканія съ роты, выставляя всѣхъ насъ на штрафъ.

Вообще, Клименко принадлежалъ къ питомцамъ той суровой и крутой школы, изъ которой вышли такіе дѣятели, какъ Аракчеевъ, Клейнмихель и другіе бывшіе кадеты 2-го корпуса, воспитанники котораго, еще въ пятидесятыхъ годахъ, носили характерное прозвище—«деревяшекъ». Разказы Клименко, передаваемые безъ горечи и озлобленія, о своихъ учителяхъ, о скудной во всѣхъ отношеніяхъ корпусной обстановкѣ его времени, о заброшенности и одичалости тогдашнихъ кадетъ, заставляли насъ сравнивать бывшее съ настоящимъ и, конечно, отдавать предпочтеніе нашему, не впримѣръ лучшему, положенію. И, дѣйствительно, между корпусами тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ уже существовала большая разница во многихъ отношеніяхъ; между тѣмъ это не всегда и не всѣми имѣется въ виду, когда заходитъ рѣчь о традиціяхъ этихъ заведеній. Клименко слѣдилъ за тогдашнею литературою и мастерски читалъ намъ на своихъ дежурствахъ Гоголя, Соллогуба, Грибоѣдова и проч. Служа прежде въ саперахъ, Клименко былъ силенъ въ математикѣ, но уроковъ въ корпусѣ не бралъ.

— Отчего вы, Василій Семеновичъ, не желаете имѣть уроковъ? — спрашивали его кадеты.

— Оттого, что эти занятія не по моему характеру, — простосердечно сознавался Клименко.

Самообладаніемъ онъ, дѣйствительно, не отличался и я очень хорошо помню, какъ однажды его горячность зашла слишкомъ далеко и поставила въ крайне неловкое положеніе.

За шумъ, наша рота была поставлена на штрафъ. Въ подобныхъ случаяхъ мы знали, что малѣйшій шорохъ въ рядахъ приводилъ Клименко въ испугъ, а потому старались, что называется, замирать на мѣстѣ.

Когда насъ выстроили, въ ротѣ не было большого школяра Ил—ко, который, ничего не подозревая, влетѣлъ въ залу, выдѣлывая антраша мазурки.

— Становись, «животное», на колѣни, сюда, передъ роту! — съ яростью крикнулъ Василій Семеновичъ.

Ил—ко безпрекословно исполнилъ приказаніе.

— Эрикъ! Поди сюда; дери его за уши.

Служитель изъ латышей приблизился къ Ил—ко, но стоялъ, какъ окаменѣлый.

— Я тебѣ, приказываю, каналья! Убью, если не исполнишь.

— Воля вашего благородія, но солдату не дозволяется обижать господскихъ дѣтей. Я присягалъ...

Рота была распущена со штрафа, Ил—ко былъ прощенъ, но,

однакожь, почтенный Василій Семеновичъ и мы, кадеты, долго помнили и чувствовали, что вышло что-то не ладное. Подобныя сцены, какъ я уже сказалъ, дѣйствуя на насъ гораздо сильнѣе разныхъ поученій, заставляли задумываться и сопоставлять факты съ прописною моралью.

Объ остальныхъ офицерахъ-воспитателяхъ, большинство коихъ были артиллеристы и саперы, скажу только, что почти всѣ они, съ малыми видоизмѣненіями, держались тѣхъ же приемовъ обращенія съ кадетами,—обращенія крайне неровнаго, зачастую неожиданно переходившаго отъ мирныхъ бесѣдъ къ боевымъ расправамъ. Могло ли, однакожь, быть иначе? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ необходимо припомнить, что въ то время отъ воспитателей-офицеровъ прежде всего требовалась служебная исполнительность, при которой усердіе должно было предпочитаться всему остальному¹⁾. Затѣмъ, не надо забывать, съ какимъ матеріаломъ тогда приходилось имѣть дѣло въ корпусахъ. Поступавшіе въ эти заведенія дѣти, въ громадномъ большинствѣ, выросли въ патриархальной простотѣ. Предоставленные самимъ себѣ и окруженные крѣпостной дворней, они видѣли лишь одни отрицательные примѣры нравственности; своевольничали, грубѣли и рѣдко получали понятія о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести.

Воспитаніе въ общественныхъ и частныхъ школахъ было не лучше, а, пожалуй, еще и того хуже. До поступленія въ корпусъ я побывалъ въ нѣмецкомъ пансіонѣ и въ гражданской гимназіи. По сравненію съ Полтавскимъ корпусомъ эти заведенія не выдерживали критики; обученіемъ и воспитаніемъ въ нихъ руководили до крайности устарѣвшіе учителя и надзиратели изъ берейторовъ, какимъ безспорно былъ г. Капеллеръ, содержатель частнаго пансіона при Черниговской гимназіи. Ихъ воспитательные приемы имѣли скорѣе отрицательное, нежели положительное, значеніе. О тогдашнихъ уѣздныхъ училищахъ и говорить нечего; по ихъ обстановкѣ и нравамъ, онѣ сильно напоминали бытъ бурсаковъ, описанный Гоголемъ въ его повѣсти «Вій». Получивъ большинство юношей изъ такихъ-то учебныхъ заведеній и полудикихъ хуторовъ, корпусному начальству, разумѣется, было не до тонкихъ педагогическихъ приемовъ²⁾. Чтобы придать этой разношерстной массѣ хотя бы внѣшній порядокъ, ему оставалось держаться крутой дисциплины и суровыхъ карательныхъ мѣръ.

¹⁾ «Les services et le zèle doivent l'emporter sur l'instruction» (служебныя обязанности и усердіе должны быть предпочитаемы просвѣщенію). Изъ резолюціи императора Николая, положенной на запискѣ, по его повелѣнію составленной А. С. Пушкинымъ: «О воспитаніи въ Россіи».

²⁾ Замѣчу, что изъ великорусскихъ губерній къ намъ поступали наиболѣе благовоспитанные юноши, какъ, напр., Голенищевъ-Кутузовъ, Барсовъ, Копыловъ, Михайловъ, Кондыревъ и друг.

Существуетъ мнѣніе, будто бы, прежній режимъ кадетскихъ корпусовъ способствовалъ выработкѣ въ кадетахъ характера, воли и цѣльнаго, корпоративнаго, духа. За давностью лѣтъ, провѣрить справедливость этого мнѣнія довольно трудно; вѣроятнѣе же всего, что оно, основываясь на отдѣльныхъ примѣрахъ и преданіяхъ, съ теченіемъ времени стало преувеличиваться и не въ мѣру обобщаться, какъ все давно минувшее и хорошо позабытое. Безспорно, что въ прежнее, и даже въ мое время встрѣчались цѣльныя и устойчивыя натуры между кадетами; не отрицаю, что нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось въ послѣдствіи доказать справедливость афоризма, въ силу коего не столько умъ, сколько воля и характеръ ведутъ къ успѣху въ жизни, но въ то же время могу утверждать, что такихъ было весьма немного между моими одноклассниками, какъ и вообще достигнувшихъ потомъ на разныхъ поприщахъ виднаго положенія ¹⁾.

Итакъ, не принимая въ расчетъ меньшинства, отъ природы надѣленнаго задатками сильной воли, посмотримъ: представлялись ли благоприятныя условія для укрѣпленія и выработки характера въ кадетахъ моего времени.

Извѣстно, что для этого требуется борьба, нужда и препятствія. Спрашивается: гдѣ же кадетъ со всѣмъ этимъ могъ встрѣтиться? Въ корпусѣ мы жили на всемъ готовомъ и по разѣ заведенному порядку, тщательно устранявшему и облегчавшему всѣ препятствія. Все же, что происходило внѣ стѣнъ заведенія, насъ вовсе не касалось; даже о родномъ и близкомъ намъ кругѣ, съ его интересами, мы узнавали изъ рѣдкой, подцензурной, переписки; не бывая же въ отпускахъ, мы отвыкали отъ жизненныхъ невзгодъ, нерѣдко забывали нашу домашнюю обстановку и становились чужаками къ своей семьѣ. Положимъ, что трудъ, ученье и дисциплина приучали насъ къ нѣкоторому навыку въ работѣ, къ внѣшнему порядку, къ послушанію въ массѣ. Но вѣдь многіе изъ насъ, какъ сыновья помѣщиковъ, учились не по нуждѣ и не изъ-за

¹⁾ Въ настоящее время, сколько мнѣ извѣстно, изъ бывшихъ кадетъ Полтавскаго корпуса въ генеральскихъ чинахъ состоитъ на службѣ 26 человекъ; почти всѣ они окончили образованіе въ военныхъ академіяхъ; изъ числа ихъ: г.-л. Лейхтъ состоитъ предсѣд. глав. воен. суда; г.-л. Величко—помощникомъ начал. глав. штаба; г.-л. Шаликовъ и г.-м. Маслоковецъ—губернаторами; г.-л. Шмитъ и г.-л. Бискупскій начальниками дивизій. (См. приложение 1). Изъ умершихъ упомяну: о сенаторѣ г.-л. Старосельскомъ (IV вып.), добрая память о которомъ и до сихъ поръ сохраняется на Кавказѣ, какъ о бывшемъ начальникѣ главнаго управленія по гражданской части въ этомъ краѣ; о г.-л. Яковлевѣ (I вып.), бывшемъ управляющимъ дѣлами главнаго комитета по образованію и устройству войскъ и о г.-м. Кондзеровскомъ (V вып.), бывшемъ начальникомъ Константиновскаго военного училища. Бывшіе же полтавцы: Ив. Ив. Красовскій (I выпуска) и В. Д. Левшинъ (V вып.) служили по гражданскому вѣдомству и занимали мѣста Томскаго и Ярославскаго губернаторовъ.

куска хлѣба; что же касается подчиненія корпуснымъ требованіямъ, то, кто же того не знаетъ, какъ часто и легко они обходились и какъ рѣдко встрѣчались случаи, вызывающіе на борьбу съ начальствомъ. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось слышать отъ сторонниковъ старыхъ корпусовъ, что въ этой-то борьбѣ съ начальствомъ главнымъ образомъ и формировались тѣ спартанцы, о которыхъ сложилось столько баснословныхъ разсказовъ о ихъ стоицизмѣ подъ розгами. Отсюда, будто бы, вытекалъ и тотъ крѣпкій товарищескій духъ, коимъ навсегда связывались кадеты-однокашники. Быть можетъ прежде такъ это и было, когда въ нашей арміи офицеровъ, произведенныхъ изъ кадетъ, было весьма немного; въ мое же время, сколько помню, товарищеская спайка держалась лишь до тѣхъ поръ, пока мы оставались подъ одной кровлею и подъ воздѣйствіемъ однихъ и тѣхъ же злобъ дня. Уже пріѣзжая въ Дворянскій полкъ и разбиваясь по разнымъ ротамъ, губернскіе кадеты вскорѣ утрачивали свои мѣстные особенности и, рѣдко держась своихъ прежнихъ однокашниковъ, избирали новыхъ друзей-пріятелей изъ другихъ корпусовъ. То же самое происходило и по выпускѣ насъ въ офицеры, когда мы разъѣзжались въ отдаленные концы Россіи и попадали въ разныя части арміи. Тутъ уже сохранить тотъ узко-корпоративный духъ, какимъ, напримѣръ, проникнуты правовѣды, было невозможно и едва ли желательно для обще-государственныхъ цѣлей. Служба и обиходъ войскового быта требовали отъ общества офицеровъ сплоченности, а не разъединенія на полтавцевъ, новгородцевъ, полочанъ и проч. Подъ напоромъ этихъ-то требованій корпусный цементъ уступалъ мѣсто инымъ связямъ, уже обоснованнымъ частью на общности интересовъ такой широкой семьи, какъ наша армія, частью на другихъ чисто-жизненныхъ соображеніяхъ и расчетахъ. Тѣмъ не менѣе, жизнь не у всѣхъ насъ окончательно изглаживала воспоминанія о корпусѣ, о нѣкоторыхъ товарищахъ и воспитателяхъ. Не въ обиду, однакожъ, моимъ однокашникамъ, скажу, что наши воспитатели дольше помнили о насъ, нежели мы о нихъ. Многіе изъ этихъ почтенныхъ людей, были искренно убѣждены, что дѣлали намъ только добро, и весьма огорчались, когда имъ въ этомъ приходилось разочаровываться.

Я помню нѣсколько случаевъ такихъ разочарованій и одинъ изъ нихъ до сихъ поръ у меня передъ глазами.

Шли окончательные экзамены предъ нашимъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Мы сидѣли въ классѣ русскаго языка, преподаваемого весьма симпатичнымъ и талантливымъ Л. О. Корженевскимъ. Поэтъ въ душѣ и на дѣлѣ, онъ и для нашихъ сочиненій избѣгалъ выбирать темы реальнаго содержанія. На этотъ разъ намъ было задано инспекторомъ классовъ Ницкевичемъ изложить наши чувства, покидая корпусъ. Началось чтеніе написаннаго. Долго слушалъ

Ницкевичъ и, наконецъ, не выдержалъ. Когда Пет—вскій окончилъ чтеніе своей горячо и откровенно высказанной исповѣди, Ницкевичъ обратился къ нему и голосомъ, полнымъ слезъ, сказалъ: «и все это за пять лѣтъ нашихъ тревогъ, заботъ и огорченій!..»

— Я написалъ, что чувствовалъ и болѣе всего боялся огорчить васъ, Ѳеодоръ Григорьевичъ, ложью и неправдою, — отвѣтилъ Пет—вскій.

— Спасибо и за это! Будемъ утѣшаться хоть тѣмъ, что мы не приучали васъ къ притворству и лицемѣрію, — добавилъ Ницкевичъ, со всѣмъ ужъ рыдая.

И Ницкевичъ былъ правъ. Систематически насъ не приучали къ фальши, къ шаблонной фразеологіи, къ смотровымъ тонкостямъ и проч. Но, опять-таки, говорю о моемъ времени и исключительно о Полтавскомъ корпусѣ, стоявшемъ тогда особнякомъ. Выснія лица рѣдко посѣщали наше губернское захолустье, а потому на показную часть въ корпусѣ мало обращалось вниманія. Фронту насъ обучали умѣренно, и мы, пріѣзжая въ Дворянскій полкъ, оказывались на столько плохими строевиками, что насъ называли «статскими». Впрочемъ, мы скоро подтягивались и не портили фронта Дворянскихъ баталіоновъ.

На гимнастику, игры и вообще физическія упражненія въ Полтавскомъ корпусѣ не особенно налегали. Въ этой отрасли воспитанія, сколько помню, принимали болѣе горячее участіе наши гражданскіе учителя, нежели офицеры-воспитатели. Такъ, почтенный французъ Соссе почти ежедневно являлся въ нашъ корпусный садъ, гдѣ, безъ усталы, руководилъ нашими играми, награждая лучшихъ бойцовъ въ городки, лапту и мячикъ пряниками, которыми всегда были полны его карманы. Другой учитель Ф. П. Дейкъ охотно бился съ нами на рапирахъ и эспадонахъ, иногда входя въ истинный азартъ нѣмецкаго бурша. Танцамъ насъ обучалъ m-r Saint-Martin, настоящій джентльменъ по наружности и манерамъ. Бывшій военный и, кажется, кавалеръ почетнаго легіона, онъ, однакожъ, требовалъ отъ насъ хореографическихъ тонкостей и часто повторялъ на урокахъ: *ne soyez pas soldats—soyez—gentilhommes*. Гражданскимъ же преподавателямъ мы обязаны и тѣмъ, что выходя изъ корпуса, не были чужды того, чего, по отзывамъ нынѣшнихъ педагоговъ, не достаетъ современнымъ юношамъ; разумѣю воспитательное значеніе возможно осмысленнаго прохожденія и усвоенія политическихъ предметовъ преподаванія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Я уже сказалъ, что по исторіи большинство изъ насъ читало много и охотно, чему, конечно, способствовали наши учителя. Въ старшемъ классѣ исторію преподавали гг. Пильчиковъ и В. М. Бѣлозерскій. Хотя въ программу курса входила лишь часть Русской исторіи, но эти высоко-честные и безупречно-чистые на-

ставники, принадлежа по своимъ убѣжденіямъ къ только-что возникавшему тогда славянофильству, воодушевляли и насъ той горячею любовью ко всему родному, на которую такъ способны юноши, если съ этой стороны умѣло затрогиваютъ ихъ сердца и мысли. Уже тогда мы восторгались той ролью, какая предстояла Россіи въ разрѣшеніи славянскаго вопроса. Правда, по тогдашнимъ политическимъ соображеніямъ, увлеченіе славянскими идеями вскорѣ признано было опаснымъ и противъ ихъ распространенія приняты были крутыя мѣры; но это случилось уже послѣ нашего выѣзда изъ Полтавы ¹⁾.

Чувствую, что, передавая объ этомъ, я какъ бы подтверждаю всѣ недостатки корпуснаго образованія, о которыхъ мнѣ не разъ приходилось слышать и читать. Обыкновенно, прежнее корпусное образованіе упрекаютъ въ отсутствіи солидности, въ полу-познаніяхъ, въ верхоглядствѣ. Все это въ извѣстной степени справедливо, хотя больше съ теоретической, а не съ фактической, точки зрѣнія. Вѣдь и ученики тогдашнихъ гражданскихъ обще-образовательныхъ заведеній, въ большинствѣ, не могли похвалиться основательностью своихъ познаній; по способу же преподаванія и учительскому составу эти заведенія, по общимъ и совершенно справедливымъ отзывамъ, стояли гораздо ниже кадетскихъ корпусовъ. Какъ бы то ни было, но приобретаемыхъ нами въ Полтавскомъ корпусѣ познаній достаточно было, чтобы многимъ изъ насъ успѣшно оканчивать академическое образованіе ²⁾, нѣкоторымъ приобрести извѣстность въ ученомъ мірѣ (Величко, Шкляревичъ, Флоренсовъ) и заявить себя серьезными и полезными преподавателями (В. Ф. Барсовъ, Рядновъ, Шкляревичъ и др.) ³⁾.

Защищать полузнаніе, конечно, никто не станетъ; но и оно иногда бываетъ полезнѣе исключительной, хотя быть можетъ и очень серьезной, односторонности. Эта послѣдняя опасна тѣмъ, что юношество, при встрѣчѣ съ новыми мыслями, легко поддается стороннему вліянію и нерѣдко способно увлечься мечтательными крайностями всяческихъ теорій. И въ сороковыхъ годахъ общественная мысль не спала, и наша журналистика работала въ извѣстномъ направленіи; но, путемъ чтенія и бесѣдъ съ нашими преподавателями, мы настолько были ознакомлены съ сущностью волновавшихъ тогда русскую жизнь вопросовъ, а слѣдовательно и гарантированы отъ увлеченій новизною и заманчивостью ихъ, что

¹⁾ В. М. Вѣлозерскій въ 1847 году, какъ одинъ изъ членовъ Кіево-Мессо-діевскаго общества, былъ высланъ на жительство въ Петрозаводскъ.

²⁾ Съ 1851 по 1890 годъ, во всѣхъ нашихъ военныхъ академіяхъ изъ бывшихъ полтавцевъ окончило курсъ около ста пятидесяти офицеровъ, т. е. болѣе 10% изъ всего числа произведенныхъ за пятьдесятъ лѣтъ въ офицеры (см. прилож. II).

³⁾ Пишу по памяти, а потому прошу извинить за пропускъ, вѣроятно, многихъ.

почтенный отецъ Сіяльскій, передъ нашимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, могъ, отъ лица всѣхъ нашихъ воспитателей, совершенно спокойно сказать намъ въ напутствіе: «будьте чисты яко голуби и мудры яко змѣи». Конечно, я далекъ отъ того, чтобы рѣшать: въ какой мѣрѣ каждому изъ насъ удалось въ жизни остаться вѣрнымъ этому евангельскому завѣту. Отъ себя лишь скажу, что соблюсти его въ то время, повидимому, было легче, нежели теперь.

Въ заключеніе считаю нужнымъ упомянуть и о томъ воспитательномъ значеніи, какое имѣли для насъ, кадетъ, посѣщенія корпуса императоромъ Николаемъ, нашимъ главнымъ начальникомъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, и его начальникомъ штаба, Я. И. Ростовцевымъ. О той суровости, про которую сложилось не мало преданій, не было и помину. Напротивъ, государь и великій князь, оставаясь по нѣсколько дней въ Полтавѣ и безпрестанно заходя въ корпусъ, величавою простотою и сердечнымъ обращеніемъ съ кадетами производили на нихъ чарующее дѣйствіе, навсегда сохранявшееся въ ихъ памяти. Начавшись юношескими восторгами и поклоненіемъ, этотъ культъ переходилъ потомъ въ сознательно-безграничную преданность, подвигами мужества и вѣрностью долгу многими полтавцами на службѣ доказанную ¹⁾.

М. А. Д.

¹⁾ Въ послѣднюю войну не малое число бывшихъ воспитанниковъ Полтавскаго корпуса получали Георгіевскіе кресты и другія награды за боевыя отличія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Изъ бывшихъ кадетъ Полтавскаго корпуса въ генеральскихъ чинахъ состоятъ на службѣ:

Генераль-лейтенанты:

1) А. Ф. Петровскій. Е—диръ б—ды кавал. запаса.	} III-го вып: изъ корпуса (1847 г.).
2) М. А. Домонтовичъ. Въ вѣдом. воен. учебн. завед.	
3) С. А. Лейхтъ. Пред. Главн. воен. суда.	} (IV)
4) М. Я. Шаликовъ. Эриванскій губернаторъ.	
5) А. О. Шмитъ. Начальн. 16-й пѣхотн. дивизіи.	} (V)
6) И. Ѳ. Невадовскій. Начальн. 9-й мѣстн. бригады.	
7) Ф. К. Величко. Помощн. начальн. Главн. Штаба.	} (VI)
8) К. К. Бискупскій. Начальн. 2-й гренад. дивизіи. (Георгіевскій кавалеръ).	

Генераль-маіоры:

9) А. И. Лепарскій. Помощн. окр. интенданта.	(II)
10) И. А. Боголюбовъ. Директ. Оренбург. кад. корпуса.	(IV)
11) А. Вейсбахъ. Въ корпусѣ жандармовъ.	(VI)
12) Н. А. Маслаковецъ. Оренбург. губернаторъ.	} (VIII)
13) В. Н. Шкляревичъ. Пос. членъ ком. Гл. Арт. Упр.	
14) В. Н. Оноприенко. Въ корпусѣ жандармовъ.	} (IX)
15) М. Н. Красковский. Начальн. окр. арсен. склада.	
16) И. И. Филипенко. Сов. членъ Арт. ком. Гл. Арт. Упр.	(IX)
17) А. Г. Фертовъ. Военный судья.	} (XI)
18) К. К. Македонскій. Военный прокуроръ.	
19) М. Н. Рыдинъ. Начальн. отд. Гл. Инж. Упр.	} (XII)
20) Л. Ѳ. Костенко. Завѣд. Азіат. част. въ Гл. Штабѣ.	
21) К. А. Баіовъ. Нач. шт. 9-го арм. корпуса.	(XIII)
22) П. Н. Баженовъ. Нач. шт. 14-го арм. корпуса.	(XIII)
23) Я. Д. Малама. Нач. штаба Кіевск. округа. (Георгіевскій кавалеръ).	(XV)
24) К. О. Разгоновъ. Нач. Аму-Дарьинск. отд.	} (XVI)
25) Е. Д. Евреиновъ. Въ Удѣльн. вѣдомствѣ.	
26) П. З. Костырко. Въ Главн. Арт. Управл.	(XVIII)

II.

Изъ бывшихъ воспитанниковъ Полтавскаго корпуса и Военной гимназiи окончили академiи:

1) Николаевскую Генеральнаго Штаба: (Съ 1851 г. по 1890 годъ). Чернявскій, Антоновъ, Зеленскій, Шмитъ, Бискупскій 1-й, Домонтовичъ, Шаликовъ 1-й, Лучницкій 1-й, Величко, Кучеровъ, Маслаковецъ, Абельдяевъ, Кондзеровскій, Ваювъ, Фертовъ (и юридическую), Лучницкій 2-й, Боголюбовъ, Кружилинъ, Гржимайло, Баженовъ, Костенко, Соболевскій (и юридическую), Скаржинскій, Малама, Евреиновъ 1-й, Кащенко, Разгоновъ, Ставровскій (георгіевскій кавалеръ), Милорадовичъ, Андрияновъ (георгіевскій кавалеръ)¹⁾, Иршенко, Надаровъ, Черемушкинъ, Евреиновъ 2-й, Пещанскій, Потоцкій 1-й, Ольховскій, Бобырь, Потоцкій 2-й, Пробенко, Мартосъ, Шейдеманъ, Карпѣвъ, Трамбицкій, Малинко, Яковлевъ, Бутовичъ, Мандрыко, Добровольскій, Гребенщиковъ, Гнида, Гончаренко, Родкевичъ, Пржевальскій, Адабашъ, Ходошовскій, Саввичъ и Чулковъ.

2) Михайловскую Артилерійскую: (Съ 1852 по 1890 годъ). Лейхтъ, Шкляревичъ, Шевченко, Филипенко, Квитка, Дерюгинъ, Шишкѣвичъ, Павленковъ, Бискупскій 2-й, Пеленкинъ, Потоцкій, Флоренсовъ, Кобалевскій 1-й, Костырко, Кобалевскій 2-й, Ланге, Пиротскій, Мокріевичъ, Циклинскій, Адамовскій, Индутный, Лавриненковъ, Ограновичъ, Калишевскій 1-й, Чернявскій, Климовъ, Калишевскій 2-й, Симоновскій, Манько, Коленко, Корпѣвъ, Катрухинъ, Потоцкій, Линевичъ, Нечволодовъ, Попруженко, Богаевскій, Кореневъ, Мюнчинскій, Хоменко, Гончаренко, Пржевальскій, Скоробогатовъ, Томкѣвъ, Поповъ, Вауликъ, Мартосъ, Катрановъ, Чеплевскій, Цвѣтиновичъ; баронъ фонъ-Мершейтъ-Гиллесемъ, Фурманъ, Гаасъ, Ганжа, Ермолинскій 1-й, Подгорецкій, Ивановъ, Шульга и Ермолинскій 2-й.

3) Военно-Юридическую: (Съ 1872 по 1890 годъ). Македонскій, Симпликевичъ, Рахубовскій, Богаевскій, Кривенко, Артамоновъ, Руденко, Римскій-Корсаковъ, Артюховъ, Миклашевскій, Гречко, Абрамовъ и Батогъ.

Примѣчаніе. Точныхъ свѣдѣній о полтавскихъ воспитанникахъ, окончившихъ курсъ наукъ въ Инженерной Академiи, не имѣется. Вообще же, въ помѣщаемомъ перечнѣ могутъ встрѣтиться пропуски и невѣрности, по той причинѣ, что въ послужныхъ спискахъ многихъ изъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ и военныхъ гимназій показаны не тѣ заведенія, въ которыхъ они получили первоначальное образованіе, а тѣ военные училища, изъ которыхъ они произведены въ офицеры. Разбираться въ этихъ свѣдѣніяхъ приходилось по памяти и, конечно, дѣлать ошибки, исправленія которыхъ весьма желательно въ интересахъ исторiи Полтавскаго корпуса.

¹⁾ Въ списокѣ Георгіевскихъ кавалеровъ, кромѣ вышеназванныхъ, еще значатся бывшіе кадеты Полтавскаго корпуса: полковникъ Хоменко, (г.-м. въ отставкѣ) и инженеръ полковникъ Рутковскій, а изъ воспитанниковъ военной гимназiи: шт.-р. Пащенко (въ отставкѣ).

